

Кифа

«И сами, как живые
камни, устройте
из себя дом духовный»

В газете использованы
материалы сайтов sf.ru и psmb.ru
Статьи публикуются на сайте gazetakifa.ru

6 (176)
май 2014

12+

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

Одобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви

С. 2 «Одна из самых важных забот нашей Церкви сегодня – это молитвы и труды, связанные с происходящим на Украине»

Об исцелении страны, об умирении вражды, о том, чтобы более не проливалась кровь и чтобы насилие навсегда прекратилось, молится сам и призывает молиться всех Патриарх Кирилл

С. 6 Центральный вопрос конференции СФИ – христианское отношение к человеку, вероучительное и практическое

Проректор Свято-Филаретовского института Дмитрий Гасак рассказывает о том, чего больше всего не хватает сейчас в обсуждении темы человека как темы катехизической

С. 7 О чем нельзя не сказать оглашаемым

Несколько номеров подряд мы публикуем интервью по теме предстоящей конференции СФИ. Сегодня на вопрос о том, что необходимо сказать людям, готовящимся к воцерковлению, в связи с темой о человеке, отвечают священнослужители, занимающиеся катехизацией в разных епархиях

Миссионерское обозрение

Две основных темы приложения – воцерковление на Пасху (мы попросили наших читателей поделиться своими воспоминаниями о том, что это значило для них) и конференция в Санкт-Петербурге по истории катехизации: мы рассказываем о двух докладах, посвященных св. прав. Иоанну Кронштадтскому и сщмч. Константину Аггееву

Бог хочет видеть нас светом мира и солью земли

Мы продолжаем публиковать материалы к конференции СФИ «Традиция святоотеческой катехизации: представление о человеке в темах основного этапа оглашения»: интервью с ректором СФИ профессором священником Георгием Кочетковым

Можно ли предположить, как происходило развитие темы человека именно как темы катехизической в истории богословской мысли и в практике церковной жизни? Что здесь было самым главным, что было трагически утрачено за многие века упадка катехизации?

Нам, конечно, не вполне известна традиция катехизации; она сохранилась только фрагментарно. И это очень жаль. У нас очень мало источников, памятников, связанных с катехизацией, хотя мы точно знаем, что это было общей традицией всей Церкви. Вероятно, было много устного, много личного, и это не фиксировалось, особенно в самые интересные, первые века истории церкви.

Конечно, в древности непосредственно антропологическими темами никто не занимался, их не выделяли.

Людей больше интересовала теология, прославление Бога в Духе и Истине. Но, прославляя Бога, нельзя было забыть о человеке. И в анафорах, и в катехизических текстах речь всегда шла о сотворении человека, о Духе Божьем, который был вдунут в лицо первозданного Адама тогда, когда человек сделался душою живую, т. е. личностью, живущей глубоко, особым, уникальным единством со Своим Господом. И это никогда не исчезало из поля зрения святых отцов, катехизаторов, учителей церкви – начиная с апостольских времён. Ведь апостольские послания тоже содержат довольно мощный антропологический пласт. У апостола Павла это одна из основных тем, хотя он, может быть, специально и не думал, что это некая «антропология», т. е. особое учение о человеке.

Окончание на с. 6

Начало 1990-х годов. Огласительную встречу в Риге ведёт священник Георгий Кочетков

«Этого креста вы с меня никогда не снимете»

Памяти иеромонаха Варфоломея
(Гречушкина)

«**М**ы видели, что он служил каждый день, как будто был седмичным священнослужителем. Он заменял тех священников, которые болели, которые уезжали на различные требы. Он был всегда на своём посту – у Престола Божьего. <...> Он отличался смиренем, терпением, послушанием, любовью к Богу и своим ближним...», – сказал митрополит Ташкентский Викентий на отпевании иеромонаха Варфоломея, одного из старейших служителей Свято-Успенского кафедрального собора Ташкента.

Отец Варфоломей отошёл ко Господу в дни Великого поста. За полгода до этого, осенью 2013 года, во время поездки в Среднюю Азию автором этих строк почастливилось встретиться и побеседовать с ним. Весь день он был занят в соборе различными трудами и смог с нами встретиться лишь после вечернего богослужения и исповеди. Памяти о. Варфоломея – свидетеля и участника церковной жизни епархии на протяжении более полувека – посвящён этот материал.

Истоки

Отец Варфоломей родился в Ташкенте. Он рассказал нам, что его отец был раскулачен и бежал в Среднюю Азию. Дети – старший брат Александр и сам Алексей (в будущем о. Варфоломей) – родились уже здесь.

В Ташкенте их отец сблизился с отцом Борисом (Холчевым). Он занимался самообразованием, и отец Борис помог ему в этом – беседовал, давал книги, приглашал к себе всю семью. «Помню, отец Борис подозвал меня один раз, даёт деньги, говорит: «Скажи папе, пусть тебе купит пальто». Это было ещё до школы, мы тогда плохо жили», – рассказывает о. Варфоломей. Он помнит, что его брат Александр часто помогал отцу Борису

по дому – и свет исправлял, и холодильник... Сейчас о. Александр – митрофорный протоиерей, настоятель храма в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших» в Янги-Юле, неподалёку от Ташкента.

Отец Варфоломей родился при владыке Гурии (Егорове). Но больше знает и помнит владыку Ермогена (Голубева). Помнит, как строили собор: «Мы бегали, и кирпичи таскали, и разбирали алтарь старого храма... Когда в 56-м начали собор строить – мне восемь лет было. А брату – одиннадцать. При владыке Ермогене вообще был большой духовный подъём у народа».

Окончание на с. 4

В чём призвание «особых людей»

Интервью с директором организации
«Перспективы» Марией Островской

Организация «Перспективы» появилась в Петербурге в 1992 году для поддержки негосударственных проектов помощи обездоленным детям Санкт-Петербурга. Среди разных направлений основной ответственностью «Перспектив» сегодня является помощь в Детском доме-интернате № 4 для детей с отклонениями в умственном развитии г. Павловска, а также в Психоневрологическом интернате № 3, куда детей из павловского детского дома-интерната переводят после 18 лет. Когда-то всё начиналось с одного человека, случайно оказавшегося в павловском детском доме, сегодня в «Перспективах» работают около 130 сотрудников и 35 волонтеров.

Есть такое понятие библейское и евангельское – милующая любовь. Часто современные люди ощущают в ней какой-то дефицит. Кошку, собачку бездомную жалко, а человека не жалко. Наверное, это наследие минувшего столетия. Готовясь к встрече, я слушала Ваши интервью. Вы говорите, что еще недавно в нашей стране к таким людям, как Ваши подопечные, относились как к вещам, как к предметам, к тому, что надо спрятать и лучше забыть и всерьёз к этому не относиться. И для нас внутри себя это тоже вопрос – как разбудить в человеке эту милующую любовь. Мне кажется, у Вас в этом должен быть большой опыт.

Думаю, это очень важный вопрос. Тут, наверное, принципиально то, что мы ничего сами для этого не делаем.

У нас очень благодатная целевая группа. Но в нашем мире всё перевернуто. Нам всё время говорят: «Ой, как тяжело! Вы такие герои! Вы с такими людьми работаете!» А мне кажется, что здесь нет ничего героического. Я считаю, что это вообще подарок и очень большая радость – соприкоснуться с нашими

подопечными. У меня дети обычные. Придешь домой – они недовольны. Высказывают массу претензий. А к нашим придешь, им улыбнулся – это просто праздник, и они на это отвечают огромным потоком благодарности и любви. У Господа если где-то отняли, то где-то добавлено. Нашим явно добавлен дар любви, благодарности, прямоты, простоты – всего того, чего у нас мало осталось.

Раньше такие люди жили в каждой семье: если в мире всегда рождается 10 % людей с умственными проблемами, а в семье было по 10 детей, то такой подарок был в каждой семье. Несмотря на то, что экономически было очень сложно прокормить члена семьи, который не работает, совсем ничего не может, сидит на печи и мычит, никому не приходило в голову его куда «сдавать»: делились последним, и это было нормально. От него тоже что-то получали, у него была своя роль. И когда при дворах заводили шутов, это были искусственные попытки восполнить недостачу в жизни такого человека, который будет тебя приводить в соприкосновение с существом вещей. Который прямо тебе скажет правду, напомним о чём-то главном.

Окончание на с. 5

Церковь и общество

«Одна из самых важных забот нашей Церкви сегодня – это молитвы и труды, связанные с происходящим на Украине»

Задача Церкви – служить примирению людей, поэтому она не должна обслуживать те или иные политические взгляды или принимать ту или иную сторону в гражданских противостояниях, заявил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

«Одна из самых важных забот нашей Церкви сегодня – это молитвы и труды, связанные с происходящим на Украине. Мы близко к сердцу принимаем сложную ситуацию и реальные страдания, через которые проходят люди на Украине», – сказал председатель Русской православной церкви перед началом заседания Высшего Церковного Совета, состоявшегося 30 апреля в храме Христа Спасителя в Москве.

По словам патриарха, Церковь должна осуществлять пастырскую, душепопечительскую работу, совершать молитву, примирять людей, но «ни в коем случае не должна обслуживать те или иные политические взгляды, позиции, концепции», что позволяет Церкви оставаться вне конфликта и служить делу примирения враждующих сторон.

«Наша принципиальная точка зрения заключается в том, что Церковь должна быть поверх любой схватки. Церковь должна сохранять свой миротворческий потенциал даже тогда, когда всем кажется, что никакого в принципе миротворческого потенциала не существует. Это непростая позиция, потому что каждый, кто разделяет ту или иную точку зрения, кто вступает в гражданский конфликт,

пытается искать поддержку в Церкви. Но Церковь может и должна оказывать поддержку исключительно в рамках того, что Господь поручил Церкви», – сказал он.

«То, что сегодня происходит на Украине, свидетельствует о том, что такую позицию разделяет только наша Церковь», – добавил патриарх. – Практически все остальные оказались захвачены этими событиями и потеряли ту устойчивость, которая и проистекает от чёткого, честного и последовательного исполнения церковного предназначения».

«Вы знаете, что позиция нашей Церкви остаётся той же, что была на протяжении последних почти 25 лет. И когда гражданская конфронтация имела место в России, в городе Москве, и когда подобные конфликты возникают на всей территории постсоветского пространства, наша Церковь не поддаётся ни на какие политические соблазны и отказывается от обслуживания каких-либо политических позиций», – подчеркнул он.

«Церкви очень не просто в этих обстоятельствах», – продолжил председатель. – Вспоминаю критику, которая звучала в адрес нашей Церкви в начале 1990-х годов, когда требовали, чтобы Церковь выходила на Манежную пло-

щадь, чтобы она непременно выступала с политическими заявлениями, поддерживая тех, кто тогда казался победителем... Но Церковь в её совокупности отвергла такую позицию, хотя находилась в то время под очень сильной критикой тех, кто как бы победил. Жизнь показала, что это была единственно правильная позиция, потому что и правые, и левые принадлежат Церкви».

Святейший Патриарх призвал членов Высшего Церковного Совета употребить все усилия для того, «чтобы мир снизошёл на украинскую землю, чтобы люди примирились, чтобы восстановились законность и порядок, чтобы обеспечились права людей и не попирались их достоинство».

«В нескольких заявлениях, касающихся Украины, мы выражали озабоченность и опасения в связи с возможным захватом храмов, принадлежащих нашей Церкви... Как известно, такие попытки были, но по милости Божией успехом не увенчались, и мы можем констатировать, что на сегодняшний день никаких захватов не происходит. Дай Бог, чтобы так было и впредь, потому что употребление силы всегда приводит к возникновению встречной силы, а значит, к разжиганию

конфликтов», – сказал в завершение Святейший патриарх Кирилл, отметив, что разжигание религиозных конфликтов чрезвычайно усложнит и без того тяжелейшую ситуацию на Украине.

После событий 2 мая Святейший патриарх выступил еще с одним заявлением, которое начинается словами:

«На Украине вновь льется кровь. Столкновения в Донецкой области и трагические события в Одессе привели к гибели десятков людей, к дальнейшей дестабилизации ситуации в стране. Многие переживают отчаяние, опасаются за свою жизнь и жизнь близких».

В это тяжелейшее время мое сердце с Украиной, с каждым ее сыном и дочерью, переживающими боль, скорбь, недоумение, негодование, отчаяние. Молюсь об упокоении всех жертв кровопролития, о спасении жизней пострадавших, о скорейшем выздоровлении раненых. Горячая моя молитва – и об исцелении страны, об умирении вражды, о том, чтобы более не проливалась кровь и чтобы насилие навсегда прекратилось».

По материалам пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси

Можно ли воспитать в человеке свободу и достоинство

27 апреля Георгиевское малое православное братство и братство во имя Новомучеников и исповедников российских провели открытый семинар на тему «Можно ли воспитать в человеке свободу и достоинство?». Обсудить этот непростой вопрос собрались преподаватели вузов и школ. Как отметила ведущая семинара Людмила Комиссарова, заведующая Богословским колледжем при Свято-Филаретовском институте, «это тема горячая для тех, кто учит и кто учится, а также для родителей учащихся».

Основная тенденция в сфере образования сейчас – нацеленность не на воспитание человека, а на подготовку узких специалистов. Об этом свидетельствует замена традиционных экзаменов на тесты ЕГЭ, введение универсальных учебников по разным дисциплинам, в первую очередь гуманитарным. В итоге мы получаем специалистов, которые безграмотно пишут и «Войну и мир» не читали. Казалось бы, ну и что? Однако низкий уровень культуры приводит к отсутствию способности самостоятельно мыслить и сопротивляться идеологической пропаганде.

Семинар начался с доклада канд. социол. наук Анны Алиевой о состоянии современного общества на основе независимых социологических исследований «Левада-центра» и социально-антропологических исследований Н.Н. Козловой. Вопросы, исследованные докладчиком: кто сейчас россияне? на что они могут влиять? на что надеются? Статистика показывает, насколько противоречивы настроения в обществе.

Например, 60 % россиян, согласно опросам, считают себя достаточно свободными, при этом 50 % свободными себя не чувствуют. Шокируют данные, что 50 % процентов родителей подростков считают нормальным читать личные письма детей и заглядывать в их карманы. Едва ли это способствует воспитанию достоинства и свободы. Кроме того, оказывается, что запрос на культуру в нашей стране не имеет социальных оснований. Дореволюционное сословное общество сменилось на советское, где существовали советская номенклатура, допущенная к «кормушке», и общая масса людей, которая о ней знала только понаслышке. Каждая социальная группа имела свою мораль, и мы до сих пор не можем избавиться от сознания: «что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». По данным опросов, сегодня значительная часть доходов в российских семьях уходит на пропитание. Где уж тут думать о культурном развитии, когда более 50 % населения не чувствует уверенности в завтрашнем дне. Парадокс заключается в том, что, согласно выводам социологов, жители России не ищут путей преодоления бедственного положения, но стараются уменьшить свои потребности.

– Мы попали в дырку, в провал, – так описал нынешнюю культурную ситуацию Александр Копировский, профессор СФИ. По его мнению, это надо признать и не требовать от людей грамотного письма и чтения классики. Всё потому, что воспитать свободу и достоинство в человеке нельзя, это врождённые качества, при этом сословная аристократия по крови, которая эти качества возвращала

в течение столетий, исчезла. Потому единственный выход из положения – это ставить задачи на далёкое будущее, а современного «специалиста» призывать хотя бы к внимательности, чтобы он отслеживал те ошибки, которые ему указывает компьютерная программа, и их исправлял.

Что же может предложить педагогика такому человеку, какой он есть сегодня? Участники семинара вспомнили несколько удачных педагогических методик. Например, Юлий Халфин, учитель с полувековым стажем, создатель Школьного поэтического театра, привёл интересный факт: согласно американским исследованиям, лучшей педагогической системой в истории педагогики был признан Царскосельский лицей, где дворянских мальчиков старались научить свободно мыслить и большое внимание уделяли нравственному воспитанию. Правда, сегодня трудно представить себе возможность возрождения лицейской традиции, но некоторые её принципы мы всё-таки можем взять на вооружение: начинать с нравственного воспитания, а не с обретения знаний по разным предметам. Кроме того, у современного человека совершенно отсутствует навык преодоления жизненных трудностей, поэтому всё, что требует усилий, даётся с большим трудом.

– Не так живи, как хочется, а так живи, как Бог велит, – вспомнила Людмила Комиссарова прическу своей бабушки. Нам трудно это осознать, но благодаря ограничениям у человека появляется благодарность за то, что ему даётся.

В дискуссию активно включились все участники семинара

Как бы ни была катастрофична ситуация с современным образованием, как бы ни было велико давление государства на школу, всё-таки, как согласились участники семинара, нет смысла в борьбе со сложившейся системой. Ведь, как известно, на её смену могут прийти «ещё худшие». Часто мы жалуемся на трудную ситуацию, говорим, что от нас ничего не зависит, но сами не спешим что-либо предпринимать. А ведь даже социологи говорят о том, что если простые люди собираются вместе и начинают действовать, то у них получается повлиять даже на принятие законов. Однако мы сами часто к действиям не предрасположены. Любой человек, как было отмечено на подведении итогов семинара, может быть педагогом, если он начинает делиться с другими. Главное, чтобы было чем делиться, и поэтому в любом случае воспитание нужно начинать с себя.

Татьяна Васильева. Фото Максима Соболева
Информационная служба Преображенского братства

Издание Преображенского сотрудничества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей
Москва: +7-964-534-64-55 (Александра Ошарина), +7-965-146-14-56 (Анна Гринман), +7-965-128-15-07 (Марина Чиркова)
Санкт-Петербург: +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)
Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-1137 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-0391 (Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-964-296-9042, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Сушевский вал, д. 49.

Тираж 1450. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 7 мая 2014 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 12 мая 2014 г.

Духовное образование

Студенты СФИ приняли участие в научной конференции МГУ «Ломоносов»

10 апреля в Московском государственном университете прошла работа церковно-исторической секции Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов».

В секции приняли участие 18 человек из МГУ, Высшей школы экономики, Свято-Филаретовского института, Казанского федерального университета, Европейского университета в Петербурге, Тверского, Санкт-Петербургского, Ивановского, Тамбовского, Тольяттинского, Пермского государственных университетов. Секцию вёл заместитель заведующего кафедрой истории Церкви МГУ кандидат исторических наук доцент Глеб Запальский.

Свято-Филаретовский институт представляли студентки Мария Феденко, Карина Гиздатова и Софья Андросенко. Доклад Марии Феденко был посвящён Тритоэкти – богослужению древнего Евхология Великой Церкви, которое ежедневно совершалось во время Великого поста. Анализируя его структуру, содержание и практику совершения, а также позиции литургистов XX века, она высказала тезис о том, что Тритоэкти – это не служба часов и не литургия оглашаемых, предваряющая литургию верных, а самостоятельный чин для оглашаемых, литургия Слова, центральными элементами которой были молитвы и чтение Писания.

Карина Гиздатова представила доклад о миссионерском служении священника Кирилла Арженти, составителя православного катехизиса «Жив Бог», создателя Движения православной молодёжи Юга Франции, участника съездов РСХД

и «Синдесмоса», издателя журнала «Orthodoxes a Marseille». Одной из особенностей его служения было стремление «освободить литургическую общность от общности этнической», совершая богослужения на понятном для приходивших в храм людей французском языке.

О традиции передачи и возвращения символа веры в катехизической практике II–V веков и её роли в формировании ранних христианских символов рассказала студентка СФИ Софья Андросенко.

На секции прозвучали доклады, посвящённые термину «власть» и его значениям в церковных и светских памятниках средневековой Норвегии, полемике вокруг эфиопских христиан в России конца XIX века, пастырской деятельности московского священника Алексея Мечёва (1859–1923), способам формирования антирелигиозного общественного мнения в политике советского государства в 1920–1940 годах, динамике взаимоотношений старообрядчества и органов советской власти в 1928–1941 годах в Прикамье, и другие.

Ежегодная международная конференция «Ломоносов» проводилась в этом году в 21-й раз и проходила по 32 секциям и более чем 330 подсекциям, отражающим основные направления современной фундаментальной и прикладной науки. Церковно-историческая секция проводится в рамках конференции «Ломоносов» с 2011 года. Свято-Филаретовский институт последние пять лет постоянно принимает участие в работе этой и других секций «Ломоносова».

Информационная служба СФИ

Литературное и религиозное в романе «Идиот»

28 и 29 апреля в СФИ состоялся межвузовский круглый стол, организованный совместно с Российским государственным педагогическим университетом им. А.И. Герцена

Идея диалога между преподавателями и студентами старших курсов богословского и филологического факультетов о романе самого евангельского русского писателя родилась из желания увидеть художественный и духовный замысел Достоевского в его целостности.

Как рассказала профессор кафедры русской литературы РГПУ им. А.И. Герцена доктор филологических наук Ольга Владимировна Евдокимова, она была заинтересована в том, чтобы евангельские темы и параллели в романе Достоевского увидели и обозначили люди, хорошо знающие главный христианский текст. Одним из «параллельных мест» оказалась тема неотмирности князя Мышкина.

Об истории интерпретаций романа в литературоведении XX и XXI столетий рассказала старший преподаватель Санкт-Петербургской государственной академии Театрального искусства кандидат филологических наук Ксения Николаевна Отева, бывшая аспирантка РГПУ им. А.И. Герцена. Доцент кафедры русской литературы РГПУ кандидат филологических наук Елена Васильевна Петровская представила доклад об осмыслении темы художественного творчества у Достоевского и в «Анне Карениной» Толстого.

«Также мы смотрели картину Ганса Гольбейна «Мёртвый Христос в гробу»,

Выступает О.В. Евдокимова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы РГПУ им. А.И. Герцена

которая стала одним из художественных и духовных центров романа Достоевского», – рассказала старший преподаватель СФИ, доцент кафедры русской литературы РГПУ кандидат филологических наук Юлия Валентиновна Балакшина.

Магистрант РГПУ Сергей Александрович Вахов представил результаты прочтения «Дневника писателя» с точки зрения типологии писателей, которую предлагает и с которой соотносит себя самого Достоевский.

Размышляя о том, что первично в его творчестве: религиозное или литературное, участники научно-богословского диалога пришли к выводу, что, говоря о Фёдоре Михайловиче, выстраивать иерархию и тем более противопоставлять эти два начала невозможно.

Круглый стол продолжил научное сотрудничество между кафедрой русской литературы РГПУ им. А.И. Герцена и Свято-Филаретовским институтом. Год назад вузы провели в РГПУ научную конференцию «Религиозно-философская мысль России и русская литература».

Софья Андросенко
Фото: Николай Токарев
Информационная служба СФИ

Новости православных братств

Анатомия чуда

27 апреля братья и сёстры из Преображенского братства провели пасхальный праздник в специализированном Доме ребёнка № 7*

Перефразируя известные слова Ахматовой «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда», начну свой рассказ со слов «если бы вы знали, из каких простых вещей вырастают настоящие чудеса!» Я хочу рассказать о том, что и в наше непростое время, когда прошло уже больше двух тысяч лет со времён тех далёких событий, в собранной Христом Церкви, на земле, которая географически далека от Иудеи, происходят свои маленькие чудеса.

Что нужно для этого чуда? Как оказалось, нужны только люди, которые хотят быть свидетелями Воскресения, хотят воплощать свою любовь ко Христу зримым образом. Таким радостным делом является для нас помощь Дому ребёнка № 7. Уже четырнадцатый год братья и сёстры Преображенского братства помогают этому замечательному учреждению, в котором люди днём и ночью заботятся о детях, по тем или иным причинам оказавшихся там.

По доброй сложившейся традиции мы проводили с детьми пасхальный праздник, причём только для старшей группы, так как подопечными Дома ребёнка являются совсем маленькие дети – от нуля до трех лет. Вот почему нам нужно было уложиться всего в какихто тридцать-сорок минут. Елена Кравцова продумала сценарий праздника: дети искали Солнышко, и в этом им помогали Курица, Петушок и Ежик. Потом малышам подарили вкусные куличи, которые они с удовольствием уплетали за обе щеки, и другие подарки.

Особенную радость детям доставила музыка. Дети, да и взрослые были просто очарованы флейтой. Для этого маленького чуда понадобились люди, которые хотели подарить детям радость, которые не пожалели сил и времени для того, чтобы подготовить сценарий и реквизит, чтобы испечь куличи, свалить своими руками игрушки.

Дата праздника совпала с субботником, который проходил в это время в Доме ребёнка. Поэтому после того, как представление завершилось, некоторые из нас остались, чтобы поучаствовать в субботнике, а кто-то приехал специально для этого.

Я не могла остаться со всеми (за воротами Дома меня ждал семимесячный сын), но меня порадовало, что директор Дома ребёнка наравне со всеми сотрудниками трудился на субботнике. Это было очень радостно.

Казалось бы, всего несколько часов утра субботы, а радость этого события даёт силы жить и благодарить Бога за то, что добрые дела, маленькие чудеса происходят и в наше время. Что свет от Воскресения Христова не угасает, а продолжает воплощаться, за что очень хочется благодарить Бога!

Анна Сахарова

Информационная служба Преображенского братства

* Дом ребёнка № 7 – специализированный дом ребёнка для ВИЧ-инфицированных детей-сирот. Был создан в октябре 2000 года. Из-за специфики этого учреждения в материале отсутствуют фотографии детей.

Пасхальный праздник сопровождался игрой на флейте

Спектакль для одиноких бабушек

Вот уже более десяти лет Тверские православные Боголюбское и Спаское братства регулярно посещают домочадцев местного дома престарелых: бабушек и дедушек, по разным причинам лишённых привычных семейных условий жизни. Каждую неделю братчики приходят, чтобы сходить за продуктами и лекарством, помочь в уходе за больными или просто пообщаться о былом. Но дважды в году, на Рождество и на Пасху, православные братства особенно желанны. В эти дни приходят братские дети от мала до велика и играют незатейливый концерт. Для пожилых людей, не имеющих общения с детьми в семейном кругу, подобные концерты – большая радость. Некоторые уже подружались с тем или иным ребёнком, ждут его с нетерпением, взаимно готовят друг другу подарки. Ныне такой концерт состоялся на Антипасху. Самые маленькие инсценировали всеми любимую сказку Сутеева «Под грибом», дети постарше играли произведения на различных музыкальных инструментах, пели фольклорные песни, танцевали весёлые танцы. После общего пения праздничного тропаря одна из самых маленьких участниц – четырёхлетняя Настя Добрынина, едва доставая до микрофона, звонко прочла стихотворение К. Чуковского «Радость», столь созвучное ликующему празднику Пасхи. Эта радость не сходила с лиц всех – артистов и зрителей – и во время пения артистов, когда самые маленькие на глазах у публики устроили перед сценой импровизированные танцы, подобно царю Давиду, «скакаше играя», и во время игры в загадки, и трогательного вручения подарков, приготовленных своими руками. Пасхальная радость и взаимная благодарность обняла всех, и старых и малых, как бы являя воплощёнными евангельские слова «будьте как дети», «радуйтесь и веселитесь».

Актёры и зрители после представления

Лидия Крошкина
Информационная служба Преображенского братства

«Этого креста вы с меня никогда не снимете»

Начало на с. 1

Памяти иеромонаха Варфоломея (Гречушкина)

«Это были гиганты духа»

Отец Варфоломей: В то время здесь много служило подвижников веры. Их не всегда оценивают при жизни. В лучшем случае обращают внимание на внешний труд: вот столько они окрестили, вот это построили. А духовную жизнь, т. е. её внутреннюю сторону – сколько они вели внутренней борьбы, какими они были сторонниками молитвенной внутренней жизни, сколько людей приводили, спасали от самоубийства, беседовали – вот это мало кто оценивал. Отец Борис, например, говорил: «Сейчас стало очень тяжело молиться», – т. е. он чувствовал тяжёлое внутреннее состояние людей. И только после того, как эти священники ушли из жизни, вспоминаешь и думаешь: почему в тот момент не по всем вопросам к ним обращался? В то же время находились и люди, которые действовали по-другому: стремились очернить этих священников, представить их в совершенно другом свете.

В тот момент, конечно, духовенство было другое. Они прошли лагеря, тюрьмы, выдержали испытания. Про таких говорят – гиганты духа.

Об отце Борисе (Холчеве)

Архимандрит Борис (Холчев) и его ближайшее окружение

Отец Варфоломей: Конечно, мы жили вокруг отца Бориса, но только сердцем чувствовали, что он другой человек. Отец Борис был даже списан по болезни, уже на смерть. И только благодаря некоторым монахиням, которые выехали из Ленинграда после блокады и взяли его на своё попечение, он выжил. Они подняли о. Бориса из могилы.

Подчас думаешь, почему так получилось – не всё взяли, что могли... Но жалко было о. Бориса: он целые дни был занят, до 12 часов ночи исповедовал и очень сильно уставал.

Но ведь он успел Вас многому научить?

Конечно, и уставу учил, и многим другим вещам. Он вёл также огласительные беседы.

Как же отец Борис умудрялся проводить огласительные беседы – это же было запрещено?

Мне отец рассказывал, как уполномоченный ему говорил, что поступают большие жалобы на отца Бориса за то, что он очень долго не крестит людей. Отец так начал в защиту батюшки говорить, что даже уполномоченный с ним согласился. Дело в том, что тогда были такие законы. Была свобода антирелигиозной пропаганды и свобода отправления культа. Проповедь в то время была, конечно, запрещена. Уполномоченные хотели и в соборе проповедь отменить, но отец Борис тогда выступил и сказал: «Это входит в богослужение, поэтому мы не можем». Тогда уполномоченный сказал: «Ну, ладно, сохраняйте тогда, но говорите о богослужении».

Сколько времени он вёл эти беседы? Сразу не крестил – а через сколько крестил?

По-разному, в зависимости от конкретных ситуаций, но не меньше двух недель. Он видел людей... Он ненавязчиво, но сразу говорил о духовной жизни, конечно. Около собора была специальная крещальная для взрослых. И в ней он проводил огласительные беседы, ведь вне храма этого делать было нельзя.

Но это тайно было?

Нет. Но власти не могли ничего сделать. А когда он умер, тогда уже всё это прекратили...

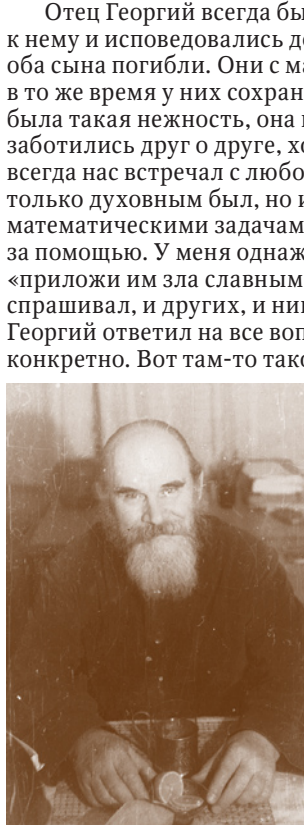
Уполномоченные его уважали? Побаивались?

Я уже говорил, что здесь было ещё духовенство, которое сидело, страдало, мучилось. У них страха не было. Общая духовная жизнь была на подъёме. В какой-то момент владыка Ермоген стал призывать их, и они с Маросейки* поехали сюда.

Об отце Георгии Ивакине-Тревогине и отце Василии Евдокимове

Отец Варфоломей: Был ещё такой отец Георгий Тревогин. Он был очень близок к отцу Алексию Мечёву. Тот их с матушкой Валентиной венчал. Георгий был тещем на Маросейке. Потом был трижды арестован. Он много страдал, у него сердце было больное и ноги болели после того, как ему сутками приходилось стоять на допросах. Его ведь несколько суток пытали – обливали холодной водой, а когда одежда на нём высыхала, обливали снова... И в то же время он был преподавателем математики, преподавал математику в Москве после лагерей. Потом владыка Ермоген пригласил его с женой в Ташкент и рукоположил его, он служил священником в Андижане. А потом здесь началось в 1960-е гг. гонение на духовенство, отца Георгия тоже преследовали, и он после этого вышел за штат. Он говорил очень глубокие проповеди, и владыка Варфоломей (Гондаровский) всегда, даже если отец Георгий не мог служить по своему здоровью, просил его проповедовать. Его проповеди были такие интересные, глубокие, содержательные.

Отец Георгий всегда был рад, когда мы приходили к нему и исповедовались дома. У него была семья, но оба сына погибли. Они с матушкой много пережили. И в то же время у них сохранилась такая любовь... У них была такая нежность, она понимала его с полуслова, заботились друг о друге, хотя оба были больные. И он всегда нас встречал с любовью, выслушивал. Но он не только духовным был, но и прекрасно справлялся с математическими задачами, к нему многие приходили за помощью. У меня однажды возник вопрос, что такое «приложи им зла славным землям». Я и у протоиерея спрашивал, и других, и никто не мог ответить. А отец Георгий ответил на все вопросы – откуда, что – всё конкретно. Вот там-то такой стих, такое пророчество... Был ещё отец Василий Евдокимов. Отец Георгий и отец Василий Евдокимов дружили. Это были, конечно, люди исключительного духовного состояния. Отец Василий тоже был с Маросейки, его матушка Татьяна была из княжеского рода князей Волконских... Они уехали в Москву, в Москве он открывал в 1990-м храм на Маросейке. И почти сразу умер. Но о нём много писалось, есть его автобиография. Сколько он строил: Беломоро-Балтийский канал, Апатиты, канал имени Москвы и Волго-Донской канал, и притом во время войны. Он похоронен в Москве на Немецком кладбище, в могиле, где лежал старец Алексей Мечёв.

Отец Василий Евдокимов

«Чтец всей Средней Азии»

Отец Варфоломей: Как-то после армии я похожу к отцу Борису: «Отец Борис, меня приглашает владыка Гавриил (Огородников) быть иподьяконом». Он остановился и тихо сказал: «Как воля Божия – помолимся, как воля Божия – помолимся...» А потом я как-то подхожу, а отец Борис говорит: «Ну вот, явился чтец всей Средней Азии». А так оно и получилось. Я фактически псаломщиком в соборе был. Мне пришлось нести такую службу. И эту службу я нёс в течение сорока лет, потом стал дьяконом и опять этой же службой стал руководить. Когда я стал иеромонахом, и владыка Владимир (Иким), когда узнал это, сказал: «Ну кто же тебя здесь заменит?!» Приходится по-прежнему иногда пономарями и иподьяконами управлять. Раньше ответственность как-то больше была. Сейчас, конечно, тоже обучаю уставу, но как-то нарушена традиция, связь. Я в своё время один был иподьяконом у владыки Варфоломея и всё делал один. Раньше Никанор Васильевич один был, а делал больше, чем сейчас пять человек.

«Полжизни отдано научению батюшек...»

Архимандрит Борис, будучи председателем Ташкентского епархиального управления, занимался обучением духовенства богослужению. А нам отец Борис Маслаков рассказывал о том, что Вы поспособствовали, чтобы он священником стал. Тоже научали его...

Да, это было. У него были на тот момент трудности... Он пришёл – совсем ничего не знал. Но у него было усердие.

Много, конечно, пришлось помогать. Получается, почти полжизни отдано научению батюшек. Ведь многие в семинарию хотели, но раньше в семинарию мало кого брали, очень многие не проходили. Вот, допустим, Борису Маслакову прямо сказали – ты не пройдёшь, биография неподходящая. Принимали только им подходящих. Поэтому учили тут многих батюшек, а потом они уже заочно что-то заканчивали.

То есть можно сказать, что труды о. Бориса (Холчева) стали и Вашим основным делом...

«Верующих много, а знающих Бога – мало»

Отец Варфоломей: Молодёжь, конечно, упущена... Сейчас потихоньку начинает подниматься. Я сегодня исповедовал, и человек пять-шесть были в первый раз. Но дело в том, что нынешняя молодёжь, может быть, и стремится познать что-то, но достигать этого той борьбой, которой подвижники веры достигали, сегодня никто не готов... В настоящее время большинство приходит в церковь за утешением – от горя или переживаний. Происходит то, о чём отец Борис говорил: «Верующих много, а знающих Бога – мало». То есть люди говорят: «Мы веруем и всё, а уж как живём – так живём». Вот одна женщина говорит: «Я в 58 лет крестилась». А сейчас, 17 лет спустя, пришла причаститься». Отец Борис часто заканчивал так свои проповеди: «Когда мы здесь, на земле, будем истинными христианами, то тогда и перейдя на тот свет – мы там своими будем». Так что именно здесь человеку нужно готовиться.

Послесловие

После того, как часть этого материала была опубликована на сайте Преображенского братства, нам пришло несколько писем из Ташкентской епархии со словами благодарности и воспоминаний об о. Варфоломее. Вот одно из них:

«Дорогая Ольга Владиславовна, Христос посреди нас.

Ну покорили Вы меня до глубины души.

Со слезами благодарю Вас.

Пока мне читали, я наплакалась досыта.

Была со всеми близко знакома.

Уезжая из Ташкента, я ходила в собор отслужить молебен нашей иконе – Скоропослушнице, нами переданной туда. И с Алексеем Гречушкиным** попрощалась. А знала я его приблизительно с тех пор, как ему было 7 лет. И опишу – как.

В 1948 году открылась на УзБуме церковь. Я встала на клирос. Поём Херувимскую. В это время из задней двери передают свечу. Певчие машинально передают мне. Под клиросом стоит мальчик. Я ему передаю эту свечу. А он тихонько шепчет: «Сейчас ответственный момент, подождите». Меня как током ударило, что я, не подумавши, ошиблась.

Это был Алёша Гречушкин. С тех пор я познакомилась с их семьёй. Две сестры – Катя и Наташа – пели со мной в архиерейском хоре.

Хочу добавить ещё один эпизод о Гречушкине.

Учится Алёша в начальном классе. В это время снимали кресты с учеников.

Сняли с него железный крестик.

На второй день он пришёл – на нем деревянный крестик. Сняли с него и этот.

Тогда он кладет на себя крестное знамение и говорит: «Этого креста вы с меня никогда не снимете».

Вот такая была вера с детства у Алексея Гречушкина.

Я Вас за всё благодарю.

Надежда Григорьевна»

Материал готовили
Фотина-Виолетта Беляева и Ольга Борисова
Фотографии на с. 4 из архива прот. Павла Адельгейма,
фотография иером. Варфоломея на с. 1 – Лидия-Лилия Клейменова, 2013 г.

* Многие из священнослужителей, переехавших в те годы в Ташкентскую епархию, принадлежали к «мечёвским» общинам, центром которых был храм Николы в Клённиках на Маросейке.

** В миру о. Варфоломея звали Алексеем.

В чем призвание «особых людей»

Начало на с. 1

Интервью с директором организации «Перспективы» Марией Островской

Так что это большой вопрос, кто кого милует. Есть целая литература – отчёты волонтеров. Правда, иногда их пишут формально. Но многие пишут неформально – пишут, что столько узнают о себе, о жизни...

Какую норму отношения к этим людям Вы хотели бы восстановить? Чтобы общество относилось к ним как к другим, но как к равным себе, или чтобы общество осознало их особое призвание? И в чём тогда это призвание?

Мне бы хотелось, чтобы общество осознавало их особую роль. Мне не нравится, когда мы говорим: они такие же, как мы. В этом есть какая-то фальшь. Они не такие же, они другие. Но их ценность никак не меньшая, чем у нас. Мне бы хотелось, чтобы к ним относились почтительно. В России бывало по-разному. Понятно, что мальчишки их гоняли, дразнили, но в принципе взрослые относились к этому плохо. Мальчишек драли за это.

Мне хотелось бы, чтобы общественной нормой было уважительное отношение к этим людям. Но при этом, как сказано в Конвенции о правах инвалидов, они должны жить по экономическим стандартам региона. Не богаче и не беднее нас. В этом смысле я целиком придерживаюсь западной модели: они должны быть как все обычные люди.

Важно, чтобы люди не боялись подходить к душевному, который выглядит не так, как обычный человек; и не только не боялись, но и потрудились бы и считали для себя важным научиться тому, как с этим особым человеком обращаться. И имели бы к нему интерес и уважение. До этого пока ещё далеко, но я надеюсь, что со временем будет становиться лучше.

А почему Вы не называете их больными?

Потому что они не больные. Инвалидность же не болезнь. Болезнь – это то, что имеет какое-то течение. Инвалидность никакого течения не имеет. Все, ты уже такой, и другим не будешь. Это просто особый человек.

Понимаете, эти люди обществу достаточно дорого стоят. Зарабатывать они не могут. И общество должно решиться на то, чтобы делиться с ними деньгами. Для этого общество должно видеть в этом какой-то смысл. В европейских странах понятие справедливости укорененное. И его достаточно для того, чтобы люди достали из кармана деньги. У нас это не будет работать. У нас нужен какой-то другой смысл людям. Либо это жалость, милосердие, потому что это есть в российской культуре. Но мне лично этого не хочется, потому что я хочу, чтобы этих людей уважали. Если бы жалость могла совмещаться с уважением, было бы классно.

Мы пробуем выставки. Наши люди очень талантливые, и мы помогаем им себя проявить. И если просто показать человека, у которого слюны текут на коляске, никто ничего не поймет. А если показать картину, которую он нарисовал, спектакль, в котором сыграл... Наша цель – углубить общение.

Каковы мотивы волонтеров? Я знаю, что в хоспис не берут волонтером человека, у которого только что умер родственник, чтобы не было компенсаторного действия, чтобы это не было препятствием к тому, чтобы человек отдавал. Важно, чтобы человек пришел не для себя, а для тех, кто там находится. У нас в СФИ каритативную практику проходят все. Скрепя сердце или с открытым сердцем, но ты должен это пройти. Как Вы к этому относитесь?

Я понимаю логику хосписа, но я бы брала людей, которые недавно кого-то потеряли. Человек не знает, что в нём отзовется. По опыту я знаю, что из девушек, которые приходили, начинали заливать слезами, падали в обморок и с плачем убежали, потом получают очень хорошие волонтеры, если они это преодолевают. Я думаю, что человеку нужен этот опыт. Он может ему не подойти по каким-то причинам. Я приветствую мотив интереса («я не знала, что это такое и хочу попробовать, мне интересно, что я собой представляю, я хочу себя узнать»). Но мы отсекаем мотивы профессионального интереса («хочу потренироваться как профессионал») и всякого рода «героические» мотивы, когда волонтер настолько занят своим героизмом, что ему не до человека, который рядом.

А как Вы сами к этому пришли?

Я по образованию клинический психолог и после университета попала в психиатрическую больницу. Проработала там семь лет. Эти люди вызвали у меня огромное сочувствие, а условия, в которых они находятся, – дикое негодование. Они находятся в кошмарном, унижающем человеческое достоинство положении. Я думала, что лопну от злости. Это настолько возмутительно, настолько неподобающе, это такая полная власть одного человека над другим! Я пыталась как-то рыпаться, мы выезжали куда-то с подопечными, я занималась с ними какой-то терапией. И через семь лет полностью сломалась. Не могла больше переносить своей бессилие. Когда я уходила, у меня было ощущение, что я

просто предаю людей, потому что были так называемые больные, которые на меня надеялись. Я бросила все и ушла. Так что я пришла к волонтерству на чувстве вины. Когда я встретила Маргариту фон дер Борх, молодую немецкую баронессу, которая пыталась что-то делать в огромном интернате на 600 детей, куда она приходит, кого-то там моет, ещё два человека рядом с ней – и эта толща несчастий, несоизмеренная человеческим силам, – я подумала, что может быть, мы изменим хотя бы часть этой системы, сможем кого-то подтянуть, какие-то ресурсы. И для облегчения чувства вины перед этими людьми, из огромного сочувствия к ним туда вернулась.

Есть ли такая закономерность, что верующие люди чаще идут в волонтеры?

Нет, такой закономерности нет. Если смотреть процентно, то, конечно, у нас больше верующих, чем по обществу в среднем. Есть такая особенность. За 15 лет работы в этой сфере я могу сказать, что верующие не выгорают так, как неверующие. Они гораздо более устойчивые, у них гораздо меньше всяких закидонов вроде безумного героизма и потом полного выгорания. Они более ровные, трезвые. Но с другой стороны, у нас очень большая настороженность к тем, кто приходит по религиозным соображениям. Некоторые из них почему-то не чувствуют цели. Батюшка благословил – я пошёл на служение, никого не вижу, ничего не осознаю, «служу». Такое тоже случается. А ведь важно, чтобы в этом было что-то личное. Интерес к человеку. Мне кажется очень важным интерес к подопечным. Мне это интересно, тогда я начинаю получать от этого общения что-то.

Анна Федермессер* говорит, что ей вообще непонятно понятие «волонтер» в такой сфере. Это может быть делом всей жизни. Это не может быть по остаточному принципу. А для Вас как?

Может быть по-разному. У меня есть любимая идея, которую я всюду повторяю: волонтерство должно быть конечным. Должен быть контракт на определённый срок (можно спорить, год или два). Это довольно принципиальная позиция. Потому что человек должен дальше куда-то из этой точки двигаться. Это временное состояние. Или я должен брать под опеку какого-то ребёнка и соединять свою жизнь с ним, или я должен становиться профессионалом в этой сфере. Тогда я начинаю думать, как я могу помочь более эффективно. Тогда я иду в профессиональную область. Если я надолго остаюсь в промежуточном состоянии волонтера, я начинаю выгорать и чувствовать себя как-то не так. Невозможно сохранять дистанцию, не быть ни в какой профессиональной роли и долго в этом находиться. Что происходит дальше? Человек чувствует, что начинает терять интерес и в конце концов уходит. Если у него нет срочного контракта, он чувствует себя предателем, негодяем, который бросил дело. Мне кажется, этого совершенно не нужно, это не покаяние, а неконструктивное чувство вины. Человек должен закончить свой волонтерский период и решить, что с этим делать дальше. Либо я стану другим другом кого-то из подопечных, но дружба – это вообще другая история. Это личные отношения человека с человеком, а не волонтерские отношения. У нас есть люди, которые дружат с нашими подопечными годами. Я рассматриваю волонтерство как ступень; дальше человек должен сориентироваться. Либо он хочет навсегда все это забыть, либо... Один немецкий волонтер стал в результате в России журналистом. А ещё один волонтер, очень мощная девочка, которая много работала с нашими взрослыми подопечными в психоневрологическом интернате, руководила всей программой, потом вышла замуж и сейчас она мама многих-многих детей. Я знаю точно, что ей не всё равно. Может, она молится. Она всегда держит руку на пульсе, знает, что происходит. Подопечные её вспоминают. Она периодически приезжает в интернат. Но я считаю, что это тоже определённый выбор. Я не считаю, что она покинула свой пост. Она в такой форме себя нашла. Мне кажется, волонтерство не может продолжаться бесконечно.

Это специфика именно вашей деятельности или это касается волонтерской деятельности в принципе?

Есть же программа «Мусора нет». Может, это можно делать бесконечно, я не знаю. Я плохо знаю другие области.

Какова мера жертвенности? Люди до какой-то меры готовы жертвовать, а дальше говорят – извините. Можно ли понять, где эта мера? Можно ли её увеличивать? Или вы не ставите таких задач?

Мы стараемся помогать нашим волонтерам удерживаться. Наши входят в штопор. Мы запрещаем работать больше 8 часов. Приходится бороться, т. к. они начинают приходить в выходные, вечером, а потом начинают в обморок падать или слетают с катушек и в какой-то момент говорят: всё, я больше не могу, до свидания. Раньше, чем заканчивается контракт. Я считаю, что это нездоровая вещь. И священники говорят: только

по силам! Где эта мера, я не знаю, но я вижу иногда, что люди перебирают её. Это видно по нездоровому блеску в глазах. Духовно говоря, человек начинает впадать в прелесть. Останавливать трудно – часто не слушаются.

Что вы делаете с волонтером, который проработал у вас год или два и хочет ещё быть волонтером?

Выгоняем. Раньше они говорили: вот, мы только начали понимать, как работать с подопечными, а вы нас выгоняете. Мы говорим: ты научился, значит, пора идти. Это преследует две цели. С одной стороны, мы хотим, чтобы всё время были новые люди. Мы хотим, чтобы больше людей узнавало наших подопечных, чтобы они чувствовали какую-то связь с миром. Для нашей ситуации это лучше.

Вы чувствуете разницу в волонтерстве у нас, в Санкт-Петербурге, и в Германии?

Германия скромнее. У нас главная проблема с гордостью. Не стяжательство, это россиянам не в такой степени свойственно, а гордость, и только героическая. Ради чего-нибудь маленького мы с дивана не встанем. Я очень уважаю немецкое общество, потому что они могут довольствоваться очень маленькими успехами, маленькими делами. Они могут рутинно изо дня в день делать маленькие вещи и при этом не бунтовать. Российский волонтер, конечно, герой с ног до головы. Мне всегда хочется подчеркнуть, что мы здесь никого не спасаем. В Германии волонтер пришёл, спокойно погулял с подопечным. Сегодня он его порадовал, на солнышко они вышли. И слава Богу! Никто никого не спасает. Маленькая польза, и очень хорошо, и все довольны. Ничего особенного не сделал. У нас не так.

Разные слои общества откликаются на волонтерство?

Наши волонтеры – это такой спектр! У нас очень разные люди. В основном это студенты, как-то так получается, хотя мы специально не ставим никаких возрастных ограничений. Кроме нескольких взрослых у нас в основном молодёжь – без машин, без гроша и без башни. Но есть, например, юрист; она окончила институт с красным дипломом, работала в сырьевой компании юристконсультантом, выигрывала большие экономические дела, а потом пришла от всего этого в полный ужас и пошла к нам волонтером – попы мыть детям. Год промывала попы. Взмолилась так, что её ещё на год оставили. Пошла учиться на коррекционного педагога, за два года закончила и осталась – работает профессионально. Но мы её всё-таки заставили работать и юристом тоже, принудительно – она согласилась только на тех условиях, что она два дня в неделю с детьми в Павловске... Она очень талантливый юрист.

С какого года вы действуете?

С 1998-го.

Больше пятнадцати лет... А как менялся состав волонтеров в течение этого времени? Вы видите какое-то изменение в обществе?

Русские волонтеры очень изменились – у нас, по крайней мере. Раньше разница между немецкими и русскими волонтерами была очень большая (у нас всегда были и немецкие волонтеры, и российские). Российские воспринимали это так: они на год поступили на работу.

Они получают какие-то деньги?

Да. Но для немецких волонтеров это совсем не означает, что они на работе. Потому что они привыкли к тому, что это самая обыкновенная вещь – добровольный социальный год. Когда ты год отдаёшь какому-то служению, и тебе выдают средства на то, чтобы ты пропитался, чтобы с голоду не умер. Понятно, что это всё равно волонтерство, потому что если говорить о заработках, то на рынке молодёжного труда можно заработать за 8 часов в день, 5 дней в неделю не 8 тысяч рублей в месяц (это наши волонтерские компенсации при полной занятости на год), а побольше. Поэтому люди сейчас приходят именно с волонтерской мотивацией. А раньше приходили на работу, потому что мы русским волонтерам выплачивали те же деньги, что и немцам, хотели выровнять финансовые условия, но для русских это воспринималась как зарплата. А сейчас это стопроцентные волонтеры с самой разной мотивацией. И ещё на нас очень работает то, что пропаганда волонтерства идёт со стороны государства.

Беседовали члены Свято-Петровского братства

* Анна Федермессер – дочь Веры Миллионщиковой, главного врача и создателя Первого московского хосписа, президент благотворительного фонда помощи хосписам «Вера».

Бог хочет видеть нас светом мира и солью земли

Начало на с. 1

Интервью с ректором Свято-Филаретовского института профессором священником Георгием Кочетковым

Кроме того, всегда была важна тема грехопадения, понимание того, что человек утратил и с чем связаны грех и зло в этом мире. Это всегда раскрывалось ещё и на христологическом фоне, когда говорилось о том, что Христос восстанавливает и самого человека, и возможность осуществления его призвания не просто ради «возвращения в рай», а для того, чтобы обрести Царство Небесное, которое больше, чем древний, изначальный рай.

Эти темы, безусловно, всегда звучали, пока была катехизация, пока для всех изъяснялось слово Божье Нового завета, а отчасти и Ветхого завета – ведь нельзя сказать, что мы не можем найти в нём ничего интересного по антропологической тематике. Можем. А Ветхий завет в Древней церкви читался значительно интенсивнее, даже, может быть, порой слишком интенсивно, потому что иногда он затмевал собою часть важных новозаветных откровений. Но как бы то ни было, всё это богатство было достоянием церкви на протяжении многих веков. А потом, действительно, наступил упадок – в связи с тем, что возраст крещаемых всё более и более снижался. Общество становилось более стабильным, традиционным, а значит, и менее подвижным, более «кондовым», менее живым в духовном плане, с трудом обновляющимся Духом Святым. Поэтому, конечно, падала и катехизическая, и проповедническая, и богословская традиция в церкви. И это, естественно, не могло не сказаться на представлениях о человеке в целом, я уж не говорю о том, что было принято думать о женщине, о детях, об обществе; это всё действительно подвергалось серьёзным искажениям в историческом контексте христианской жизни. Так что,

действительно, было потеряно многое: достоинство человека, уникальное откровение Личности во Христе, представление о «рождении свыше». Всё это действительно было ослаблено. И только отдельные величайшие святые вспоминали и говорили об этом, особенно мистики: преподобный Симеон Новый Богослов, преподобный Серафим Саровский. Это нам с вами хорошо известно.

Теперь немного о современности. Как происходило становление антропологической темы основного этапа катехизации в Вашей системе? На что Вы опирались, на какие источники, на какие вопросы, обращённые к Вам оглашаемыми? Что появилось раньше и что «наросло» позже?

Скажу прямо: всё это выросло из живой почвы традиции, которую нужно было обновить, исходя из требований времени. Если взрослый человек приходил в церковь, просил крещения, я, даже не консультируясь ни с кем, понимал, что такого человека надо готовить, что ему надо дать какую-то «прививку» к мощному древу Церкви. Пусть это древо имело уже и повреждения, и толстую кору, и каких-то вредителей в своём теле, однако оно было и жило, и нужно было, чтобы люди воцерковлялись реально, а не номинально, не просто на словах или по форме, по обряду. Когда мы начинали в 1970-х годах, я оглашал в основном по программе второго, основного этапа – это было изначальное зерно оглашения, и там сильно звучали вопросы, связанные со Священным писанием Нового завета; как я уже сказал, это очень благодатная почва для раскрытия антропологической тематики. Правда, сначала у нас не было специальных антропологических тем. Надо сказать, что люди вообще с трудом осваивают эту тематику. Никаких особенных вопросов, связанных с ней, я не помню. Думаю, что их просто не было в те годы, потому что «советский дичок» не знал этих вопросов, не умел их задавать, а иногда и прямо боялся. Например, я любил говорить о том, что в нашей стране снизу доверху одни рабы, и о том, как важно обрести во Христе свободу и любовь, не только внешние, но и внутренние; но при этом не только внутренне, а однако всё-таки и внешне. И людям это было немного страшно, боязно: они боялись, что мы будем критиковать имеющуюся ситуацию и в обществе, и в церкви, в государстве нашем, и в народе. А мы действительно её чуть-чуть критиковали, но не ради критики – мы никогда не были диссидентами, – а просто ради правды, той Божьей Правды, знание которой должно быть присуще каждому христианину, даже новонаначальному. И только значительно позже, когда мы стали уже практиковать

третий, мистагогический, этап оглашения, а потом и первый, подготовительный этап, антропологическая тематика стала занимать значительно больше места. На третьем этапе обязательно нужно было рассказывать о личности, надо было говорить о субъективной сотериологии, о традиции аскетике – а в христианской истории и традиции, в христианском учении это всегда было по преимуществу антропологический материал.

А на первом этапе даже вопросы заповедей, даже вопросы исправления жизни тоже носят антропологический характер. Пришлось отвечать, почему так – хорошо, а вот так-то – плохо, почему заповедь такая, а не другая, возможны ли исключения, где здесь границы, где мы должны всё воспринимать буквально, а где учитывать исторический контекст. И всё это на фоне бурного изменения в XX веке самого антропологического типа во всём мире, и особенно в нашей стране, где, с одной стороны, народ был уже совершенно погублен и абсолютно болен духовно, душевно и физически, а с другой стороны, он всё-таки ещё надеялся на возрождение. Всё это имело огромное значение. И поэтому так важна та свобода духа, которая обретается человеком на оглашении – конечно, не сразу; сначала надо говорить о послушании, о терпении, о смирении пред Богом, это, конечно, так. Но после того, как усваивается первое, нужно говорить о цели, о главном: о свободе, о любви, об истине и духе, о том, что Бог хочет видеть нас через Христа в Духе Святом светом мира и солью земли. К этому надо прийти, но начинается этот путь со времени воцерковления.

И всё-таки получается, что окончательно эта тема установиться не может, поскольку меняется...

Никак не может. Я все последние пять лет занимаюсь антропологическими темами. И пока почти ничего не написал, потому что материала прорва, позиций множество, а традиционная православная христианская почва часто у людей – даже священнослужителей и богословов – уходит из-под ног. Конечно, мне здесь очень помогла общинно-братская экклезиология, помогло личностное восприятие человека – это да. Поэтому, скажем, наследие Бердяева здесь оказывается чуть ли не центральным, основным для восстановления полноты церковной традиции во взглядах на человека. Но всё это нужно ведь не просто утверждать на словах, это надо как-то вводить в жизнь, что очень непросто. И мы стараемся это делать, и иногда это получается.

Беседовала Анастасия Наконечная

Центральный вопрос конференции – христианское отношение к человеку, вероучительное и практическое

Интервью с проректором Свято-Филаретовского института Д.С. Гасаком

В последнее время в нашей церкви много говорится о катехизации. Чего, на Ваш взгляд, при этом больше всего не хватает сейчас в обсуждении темы человека как катехизической?

Я бы не сказал, что в церкви о катехизации сейчас говорится много. Стали говорить больше, чем десять-пятнадцать лет назад. И слава Богу за это! Но я бы не сказал, что дискуссия по вопросам современной катехизации имеет такую плотность и масштаб в нашей церкви, которые свидетельствовали бы о жизненной заинтересованности епископов, священников и мирян в научении желающих основам христианской веры и жизни. Пока это остаётся нашей перспективой.

Ответить же на Ваш вопрос непросто. Но если все же постараться ответить на него точно, то я бы сказал, что не хватает веры в человека. Катехизация есть научение основам Христовой веры и жизни. Христианство же, Православие, как мы хорошо знаем, есть вера в Бога и вера в человека. Стало быть, научение вере будет ущербным, если мы обойдём аспект веры в человека и соответствующего к человеку отношения. Господь сказал Своим ученикам: «Теперь не называю вас рабами, но называю вас друзьями». Можем ли мы свидетельствовать своей церковной жизнью о такой нашей вере? Часто не можем, и примером острого недостатка веры в человека служит боязнь (а иногда и леность) многих проводить полноценную по содержа-

нию и времени катехизацию. Укрепление веры в человека, открытости к нему ради Христа, что, очевидно, связано с верой в Церковь – это я бы назвал первой нашей задачей.

Это не первая конференция, посвящённая традиции святоотеческой катехизации и современности. То, как проходили предыдущие обсуждения, позволяет надеяться на глубокий содержательный разговор. Какие аспекты Вам было бы жаль в этом разговоре пропустить, не затронуть по тем или иным причинам?

Таких аспектов множество, и мы постарались это учесть при разработке тематики и программы конференции. Конечно, за три дня не скажешь обо всём, тем более что мы рассчитываем не на обзорный характер докладов и дискуссии, а планируем обсуждать характерные нюансы традиции и детали современного опыта оглашения. Конференция будет носить не только научный, но и практический характер. Центральный вопрос – христианское отношение к человеку в церкви, вероучительное и практическое. Кем для церкви является человек, приходящий на катехизацию? Как человек меняется на оглашении? Как меняется его вера? Как должна меняться его жизнь? Какова ответственность за человека церкви, катехизатора? Можем ли мы, как древние, дерзновенно утверждать: «Пока-

жи мне твоего Человека, и я покажу тебе моего Бога»? Вопросов много, и все они острые и чрезвычайно интересные. Мы надеемся, что конференция послужит развитию поля общения между разными катехизаторами в нашей церкви и согласованию опыта катехизации в разных епархиях.

Беседовала Александра Колымагина

О чём нельзя не сказать оглашаемым

Ответы священнослужителей-катехизаторов

Чего нельзя не сказать готовящемуся к крещению о вере Церкви в связи с темой человека?

Священник Пётр Боев: На мой взгляд, важно сделать акцент на одиночестве человека вне Бога. Даже имея много друзей и связей-контактов, человек, как показывает опыт жизни, глубоко одинок. И первым прорывом является подлинная, личная встреча с Создателем. Вторым прорывом, чего ожидает и к чему призывает Господь, – встреча с человеком, людьми, с Церковью реальной и с Церковью потенциальной, т. е. неверующими, инославными, агностиками, чтобы иметь мужество свидетельствовать лично, на примере своей жизни и опыта.

Игумен Арсений (Соколов): Чего нельзя в этой связи не сказать? Нельзя не сказать, что во Христе Бог стал человеком. Он воспринял всю полноту человеческой природы, стал подобен нам во всём, кроме греха. Поскольку в крещении мы соединяемся со Христом, соединяемся с Ним в Его смерти и Его воскресении, происходит исправление нашей природы от того искажения, которое причинил ей грех. Безгрешный Искупитель Христос освобождает нас от рабства греху. «Кто во Христе, тот новая тварь». Обо всём этом ясно говорится в той части Послания Павла христианам Рима, которая читается сразу по совершении крещения и миропомазания. Лучшей проповеди на крещении, чем 6-я глава Послания к римлянам, невозможно придумать. Задача крестителя – донести смысл этого священного текста до сознания крещаемых. Та же задача – и у катехизатора, готовящего оглашаемых к крещению.

Священник Виктор Дунаев: Две вещи. Первое – это онтологическое отличие человека от всего остального тварного мира: его роль как царя этого мира и посредника между Богом и творением; ответственность человека за творение; зависимость творения от человека. Вторая – иерархическое «устройство» внутри человека-

человечества: принципиальное отличие первого человека Адама от других людей; несводимость их к Адаму; незаменимость Адама; зависимость всех людей от Адама. Без этих двух вещей невозможно будет понять ни того, что произошло в грехопадении, ни того, каким образом Бог спасает этот мир во Христе, Новом Адаме. Это основа, без которой «поедет» всё оглашение.

Диакон Иоанн Логинов: Всё зависит от того, насколько такой человек, идущий ко крещению, по-настоящему открыт к вбиранию христианского опыта веры и жизни. Если говорить о стандартной приходской практике сверхкраткого оглашения (1–2 беседы), то здесь вряд ли получится сказать о том, что может быть условно названо уникальностью христианского переживания человека (вопрос ещё и в том, насколько эта уникальность приоткрыта и ясна самому катехизатору). Поэтому здесь придётся ограничиться общерелигиозной антропологией, воспринимая человека потенциально способным к открытости к духовному миру и живому общению с ним. Мой опыт проведения предкрещальных бесед показывает, что практически всегда в типичной ситуации приходской катехизации оглашаемый не имеет опыта личного обращения к Богу и живой связи с Ним. То есть на уровне ума человек ещё хоть как-то может отреагировать на реальность духовного мира («что-то такое там есть»), но дух и сердце такого человека ещё не пробуждены для личного и непосредственного общения с Богом. Вот как раз о присутствующем в каждом человеке «органе богообщения» и о его возможной актуализации в сторону живого и истинного Бога, думаю, и стоит говорить. По крайней мере, катехизатор может попытаться разрушить миф об автономности и самодостаточности человека. Но при этом предельно важно не опуститься до трафаретно-популистских рассуждений по типу «человеку плохо без Бога». Человеку должна быть приоткрыта возможность пробуждения подлинной религиозной чуткости: оказывается, что-то в нём самом может наконец-то зашевелиться и по-настоящему заговорить к Богу...

Если же речь идёт о длительном оглашении, предполагающем вдумчивый поиск оглашаемым основ и глубин христианской веры, то здесь антропологическую тематику хорошо бы раскрыть в аспекте богоустановленной ответственности человека за окружающий его мир. Оглашаемый должен увидеть, что для христианина недопустимо присутствовать в этом мире на правах раба и потребителя (первый присутствует максимально пассивно, второй – активно, но лишь на уровне потребления и усвоения материальных и духовных благ). Человек в замысле Божиим – это царь и священник, т. е. личность по-особому ответственная за качество бытийного пространства, в которое он вовлечён. Но более того, на человеке лежит ещё и задача вовлечения окружающего мира в то пространство Божьего сопричастия, которое он сумел открыть и сформировать в себе, а быть может, и вокруг себя. О подобной ответственности человека за вверенный ему Богом мир (а в какой-то мере это ответственность и за меру присутствия Бога в этом мире!) как раз говорят эдемские заповеди. Но оглашаемые имеют определённую глухоту к подобной тональности библейского откровения. Библейский текст усилиями катехизатора может зазвучать для них по-новому, как призыв к творческой открытости и ответственности.

С какими наиболее тяжёлыми и какими наиболее распространёнными заблуждениями в связи с этой темой вы встречаетесь, когда проводите катехизические беседы?

Священник Пётр Боев: Акцент на себя, на самость, на эгоизм. Многие приходят поучиться, послушать, подумать для себя. Бог-для-меня – такая концепция православия является наиболее распространённой, в то время как в ней наличествуют черты магизма. Бог почти не имеет полномочий, у Него связаны руки, человек слышит и делает только то, что хочет. А здесь важно перерасставить акценты: с человека на Бога, при этом раскрыть тайну этих отношений. А тайна в том, что человек возвеличен, а не унижен.

Игумен Арсений (Соколов): С заблуждениями на эту тему не встречался, Бог миловал. Если катехизатор строго следует учению Нового Завета о крещении и о восстановлении в этом таинстве человеческой природы, заблуждений не будет.

Священник Виктор Дунаев: Ввиду малого опыта проведения оглашения говорить о какой-то статистике не возьмусь. Но мне кажется, что самое сложное для оглашаемых – понять и принять, что нынешний эмпирический человек это совсем не то существо, что было создано Богом. Что грехопадение не просто некое противоправное действие с последующим наказанием, а реальная духовная смерть и разложение человеческой природы. Что падший человек по природе неисправим и неисцелим, по природе не может быть спасён. Непонимание этого приводит к настойчивой попытке свести дело спасения к совершению каких-то действий, предписаний, обрядов, к магическому пониманию таинств, а следовательно, и к непониманию того, что совершил Христос.

Диакон Иоанн Логинов: Как мне кажется, оглашаемый часто боится собственной свободы. Причём дар свободы человеку непонятен во многих его проявлениях. Оглашаемый недоумевает по поводу личной ответственности за меру присутствия греха и зла в мире. При этом, что парадоксально, нередко оглашаемый готов уличать себя в тотальной греховности и испорченности. Но такая подверженность злу воспринимается сугубо индивидуалистически, дескать, «это ж мои грехи, а стало быть, только мои проблемы». Из подобной защи-

кленности на себе и на своём вырастает недоверие Богу, а стало быть, человек не может по-настоящему открыться для следования за Господом Богом по пути жизни, на котором, собственно говоря, и возможно освобождение от неправды и зла.

Также человек не хочет по-настоящему всмотреться в личную одарённость свободой, предполагающей возможность вручения себя Господу Богу для осуществления Его замысла. О доступности такой свободы в пространстве священной истории говорят первая и четвёртая заповеди Декалога. Речь идёт о сопровождающем их изложение лейтмотиве освобождения из дома рабства. Причём интересно, что редакция Декалога, содержащаяся в книге Второзакония (в отличие от книги Исхода), связывает возможность осуществления заповеди о Дне Господнем именно с событием освобождения из прежнего рабства: «помни, что ты был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою, потому и повелел тебе Господь, Бог твой, соблюдать день субботний» (Втор 5:15). Нередко оглашаемые не могут поверить, что такой дар свободы для служения Господу Богу может быть воспринят и осуществлён сегодняшним человеком, несмотря на его кажущуюся всестороннюю зависимость от «стихий мира сего». Поэтому тема свободы требует особого внимания и акцентирования. Но опять же, рассуждения катехизатора о свободе должны носить конкретный характер, приоткрывающий возможность прорыва в пространство свободы в ближайшей перспективе.

Можно сказать и о зачастую какой-то непреодолимой нечуткости оглашаемых к тематике христианского призвания. Задачу христианского присутствия в мире оглашаемые сводят к осуществлению общерелигиозных нравственных норм, предложенных в ветхозаветном золотом правиле этики, а также во второй части Декалога. То, что христианское призвание качественно выше шаблонной установки быть добропорядочным гражданином и семьянином (ну, ещё и «воскресным христианином»), без помощи катехизатора оглашаемому понять практически не по силам. Впрочем, здесь и от самого катехизатора требуется особая чуткость, внимательность и проникновенность в духовную меру, сопутствующую уровню жизни и веры оглашаемых. По крайней мере, вопрос о христианском призвании должен быть обозначен в той или иной форме с достаточной остротой. Может быть, в большинстве случаев до времени стоит ограничиться как раз постановкой вопроса.

Беседовала Анастасия Наконечная

Современное богословие – через призму православного опыта

В издательстве Свято-Филаретовского института вышло второе издание книги К.Х. Фельми (дьякона Василия) «Введение в современное православное богословие»

Карл Христиан Фельми. Введение в современное православное богословие. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. 352 с.: 8 цв. ил.

Первое русское издание книги К.Х. Фельми «Введение в современное право-

славное богословие» увидело свет в 1999 г. и уже давно разошлось. Немалый для «нишевой» литературы тираж (2000 экз.) оказался полностью распродан. Чем объяснить такой успех?

Во-первых, последствия более чем семидесятилетнего разрыва традиции богословского образования в России всё ещё дают о себе знать. Хотя за прошедшие 25 лет относительно свободного существования церкви в постсоветском пространстве было выпущено огромное количество религиозной и, в частности, богословской литературы, как дореволюционной, так и современной, потребность в качественных изданиях по-прежнему велика.

Во-вторых, чрезвычайный объём и богатство существующего на текущий момент общехристианского (в частности, православного) 2000-летнего предания закономерно оборачивается проблемой его качественного изложения, трансляции и усвоения. В современных условиях фактического отсутствия в православной церкви целостного катехизического научения многие из этих вопросов приходится решать на этапе собственно богословского образования. Современных изданий, тем более на русском языке, которые бы дерзновенно брались за эту задачу, всё ещё немного, а дореволюцион-

ные систематические учебники, как правило, страдают известным недостатком – слишком «схоластическим» подходом. В этой связи книга К.Х. Фельми представляет собой весьма отрадное исключение.

В-третьих, метод, положенный в основу данной книги, особенно важен и близок именно православным читателям. (Стоит упомянуть, что изначально она была написана человеком, сформировавшимся в протестантской традиции; впрочем, глубокое изучение восточного христианства подвигло автора к недавнему важному жизненному шагу – переходу в православие и принятию священного сана.) Автор подчёркивает во введении, что богословие – согласно восточнохристианской традиции – не мыслится в отрыве от соответствующего опыта веры, жизни и молитвы. Поэтому не случайно одним из важнейших аргументов в изложении того или иного богословского вопроса является обращение автора к литургическому – в широком смысле – преданию, выраженному в том числе через произведения церковного искусства. Поэтому значимым, а не только вспомогательным, иллюстративным, элементом являются даже репродукции икон, размещённые в книге: они также служат для выражения целостного замысла автора – единства учения и опыта.

В-четвёртых, рассматриваемая книга обладает ещё одним ценным свойством. Рассмотрение большинства богословских вопросов автор предлагает осуществлять через призму возрений современных православных авторов, в частности, наиболее выдающихся представителей русского религиозно-философского возрождения XX века. Не секрет, что интерес к православию и в каком-то смысле его узнавание на Западе произошло в XX веке во многом благодаря русским богословам и философам, влияние которых испытали даже и самые известные греческие православные авторы (Яннарас, Зизиулас и др.). Это не означает, что автор во всём со-

лидаризируется с этими богословами и мыслителями. Но через лучшее понимание их взглядов, их трактовок православного (в том числе святоотеческого) предания читателю открывается возможность полнее, глубже прикоснуться и к самому этому древнему церковному преданию. Как замечала А. Ахматова (по отношению к поэзии), полюбить поэзию в самом её существе возможно тогда, когда мы оказываемся способны услышать и понять современных нам поэтов. А подлинное богословие, как известно, не столь далеко от настоящей поэзии...

О научном аппарате книги говорить излишне: каждый раздел сопровождается своим списком литературы, имеется общая библиография и именной указатель.

Всё это делает книгу «Введение в современное православное богословие» чрезвычайно ценным трудом, который можно продуктивно использовать как для учебных (в чём, наверное, и состоит её главное предназначение), так и для научных целей.

Первое русское издание было переводным с оригинального немецкого (перевод был выполнен Е.М. Верещагиным). Текст второго издания автор изначально готовил на русском языке, тем самым зримо воплощая свою давнюю симпатию к русской культуре как значимой части общеправославного христианского наследия.

Во втором издании книга подверглась значительной переработке. Полностью был добавлен раздел 4.2 («Уничижение Бога Слова»), который автор специально написал по-русски. Шестая глава («Искупление и обожение») была существенно отредактирована. Также частично были изменены отдельные места в других главах.

Тираж нового издания – 1000 экз. Книга допущена к распространению Издательским советом Русской православной церкви.

Максим Дементьев

Прот. Александр Шмеман

ЛИТУРГИЯ СМЕРТИ и современная культура

Вера в воскресение через литургию смерти

О смерти всерьёз говорят и пишут не часто. Это слишком трудный, неприятный и таинственный опыт для человека, чтобы думать о нём заранее, пока ты не столкнёшься с ним лицом к лицу. Книга «Литургия смерти» о. Александра Шмемана как раз о том, как принимают смерть в современном обществе и как менялось её восприятие в церкви на протяжении двухтысячелетней истории.

Одна из особенностей книги «Литургия смерти» состоит в том, что она не была написана лично о. Александром, хотя в «Дневниках» он упоминал о своём намерении написать книгу «о смерти, точнее – о подходе к ней в христианском богословии». Читателю предоставляется перевод четырех лекций, прочитанных в Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке в 1981 году. Причём лекции были записаны одним из студентов на магнитофон и потом расшифрованы исключительно по собственной инициативе. И вот теперь, спустя 30 лет, эти расшифровки превратились в книгу благодаря внимательному прочтению «Дневников». Переводчик Елена Дорман, как она пишет в предисловии к книге, постаралась сохранить в лекциях особенности разговорной речи: «обрезанность», «страстность», поэтому текст по стилю напоминает в гораздо большей степени живую речь, чем богословский трактат.

По счастью, книга лишена какой-либо идеологии, в которую так легко уйти, размышляя о смерти и жизни. Она не даёт точных формулировок, но постоянно заставляет человека задуматься о том, что значит для него смерть и Воскресение Христово в связи с его собственной смертью и смертью его близких и ближних.

Читая книгу о. Александра, вспоминаешь слова епископа Афанасия (Сахарова), вернее, фразу, брошенную в разговоре с ним «одним святителем»: «Очевидно, Вам не приходилось хоронить близких, поэтому Вы так и возражаете против праздничного поминовения усопших». С одной стороны, книга «Литургия смерти» действительно пронизана радостью воскресения, такой же, какой пронизано праздничное богослужение, но с другой, она ставит перед нами проблемы, которые выводят нас к тому, чтобы задать вопрос, во что сейчас верит наша церковь и по какой вере она живёт. Некогда христианство произвело революцию, говорит своим студентам о. Александр, перенеся религиозный интерес со смерти, посмертного существования, на Бога. Для первых христиан жизнь и смерть были поистине общим делом, литургией, чая-

нием всеобщего воскресения, «исполнения всего в конце времён, исполнения во Христе». Однако со временем погребение усопшего в церкви превратилось в частное дело его родственников, а литургия смерти в требу. Все мы прекрасно знаем, насколько сильно христиане «заразились» чрезмерным любопытством к загробному миру. А современное общество, изобретая похоронные бюро и эвтаназию, пошло ещё дальше по пути отчуждения смерти от человека и от Бога, лишив её смысла, превратив в просто неприятный факт, который нужно заретушировать.

Казалось бы, что может быть дальше? Какой ответ может дать сегодня христианство культуре, заражённой «постхристианской ересью» секуляризма? «Мы не будем печатать в газетах призывы: «у нас вы найдёте смысл жизни и смысл смерти!», – обращался о. Александр к своим американским студентам 33 года назад, и мы понимаем, что его слова важны для нас и сегодня. «Нет, мы должны в первую очередь заново раскрыть, восстановить нашу веру и жить по ней. И Господь покажет нам, как изнутри этой культуры, этого «света Православия», этой победы Христовой начать наш труд».

Татьяна Васильева

Прощать и получать прощение

В издательстве Преображенского содружества малых православных братств под одной обложкой вышли в свет материалы двух интернет-конференций с общим названием «Прощать и получать прощение». Эти материалы традиционно представляют собой ответы на вопросы, заданные интернет-пользователями. О великой силе прощения размышляет св. Георгий Кочетков, а о смысле поста и воздержания – св. Иоанн Привалов.

Все люди созидают, даже те, кто строит свою хижину из обломков чужого дворца. Впрочем, достойны восхищения только те, кто преобразует хаос в гармонию, а не разрушает одно ради другого. Созидание мира между людьми – это особая, трудная форма созидания, а восстановление прежде разрушенного мира – великое искусство Божьих сынов. Именно поэтому так важно размышлять о прощении, этом грозном оружии всех миротворцев, обладающем особой силой против вражды и зла.

И прощение, как особая сторона межлических отношений, и пост, как древнейшая аскетическая практика, известны человечеству сотни лет, но мы до сих пор размышляем об этих феноменах, потому что вновь и вновь ошибаемся, когда сталкиваемся с ними в своей жизни. Например, нам странно рассматривать прощение как активное и трудное дело, чаще мы склонны видеть в нём нечто вроде мирного договора о разоружении. Всегда ясно, за что у нас должны просить прощения, но крайне трудно понять, за что следует извиняться нам. Нельзя сказать, что мы совсем чужды добродетели. После некоторого усилия над собой мы готовы простить невиновного и достаточно терпеливы, чтобы годами ждать извинений. Жаль, что эти наши добродетели мало помогают нам в конфликтах даже с нашими близкими, что уж говорить про дальних.

К счастью, в книге «Прощать и просить прощения» отсутствуют нудные размышления с закономерным выводом о том, что прощать – хорошо, а не прощать – плохо. Беседа с читателем построена в форме диалога. В чём опас-

ность не-прощения, к каким последствиям оно приводит? Как добиться взаимности в прощении? Что такое прощение Божие и прощение человеческое? Правильный ответ на эти и другие вопросы – это особая точка приложения усилий, рычаг Архимеда, когда малое усилие создаёт большой эффект.

Не меньшую роль точка приложения усилий играет и в таком делании, как воздержание и пост. Отвечая на вопросы о посте, св. Иоанн Привалов всё время говорит о христоцентричности поста, о памятовании, зачем и для чего мы делаем то или иное аскетическое усилие. Ведь всегда велик соблазн свести пост к вопросам «что можно», «что нельзя» или даже «что нужно». Но всё это – нетрадиционная постановка проблемы. Традиция – это то, что бережно и с трудом передаётся из поколения в поколение, но вовсе не любая глупость, сама собой возникающая в каждую из эпох; она в передаче не нуждается. Поэтому нам следует тщательно искать источники традиции, а также людей, бережно передающих нам её – и традицию прощения, и традицию поста. Как раз одним из таких источников традиции и является настоящее издание.

Илья Груздев, Татьяна Васильева

Прощать и получать прощение

Великая сила прощения
«Всё мне позволительно,
но не всё полезно:
зачем нам пост и воздержание?»

Шаг по вертикали

Крещение просвещаемых. Великая суббота 2014 года

На праздник светлого Христова Воскресения и в день памяти свв. Жён-мироносиц воцерковились больше ста человек, проходивших длительное оглашение при Преображенском братстве. Среди новопросвещённых много людей разных возрастов, профессий, образов жизни, а также национальностей: русские, украинцы, армяне, евреи, азербайджанцы, татары, грузины. Пятеро взрослых приняли таинство крещения и двое миропомазаны. На пасхальной литургии большинство из нововоцерковлённых причащались первый раз в жизни.

Священник Георгий Кочетков, духовный попечитель Преображенского братства и ректор СФИ, поздравил всех и сказал, что воцерковление – «шаг по вертикали» – является не только новым этапом в жизни и приобщением к благодати, но и новой ответственностью за умножение Церкви Христовой. Вхождение в Церковь новопросвещённых продолжилось и в последующие дни: для них начался третий, мистагогический этап оглашения – знакомство с догматами и таинствами Церкви.

Мы попросили наших читателей поделиться своими воспоминаниями о том, что значило для них воцерковление на Пасху

Ольга Манзура (Кишинев):

Я воцерковилась ровно 10 лет назад, на Пасху 2004 года.

В этот день я впервые праздновала Пасху именно как Праздник праздников, впервые осмысленно сказала: «Христос воскрес!» и впервые осмысленно надела на себя свой нательный крестик.

В нашей семье была традиция: каждый год на Рождество, 8-е марта и Пасху мы ходили к моей бабушке на пирожки. На Пасху к пирожкам добавлялись крашеные яйца и куличи. Конечно же, я знала, что Рождество – это когда родился Иисус Христос, Пасха – это когда Он воскрес, а 8-е марта к религии никакого отношения не имеет. А в остальном эти праздники были для меня похожи.

Пасха всегда была для меня красивым праздником, но каким-то бессмысленным. Я признавала факт Воскресения, но он не играл в моей жизни особенной роли. Я знала, что такое Пасха, но не знала, что такое радость о Христе Воскрешем.

Пасха 2004 года была совсем другой. Я впервые прожила этот Праздник вместе с Церковью. И за это я благодарю Бога и тех, через кого Он действовал – отца Георгия Кочеткова, отца Иоанна Привалова, моего катехизатора Владимира Ивановича Якунцева и братьев и сестёр Преображенского братства, всех тех, кто помог мне подготовиться к той Пасхе.

Подготовка была долгой. Она длилась полтора года. Я училась читать Библию и соотносить прочитанное со

своей жизнью. Это было сложно. Но постепенно я стала узнавать себя в притчах, в обличениях пророков. И весть, которую мироносицы несли апостолам, о том, что воскрес Христос, тоже ожидала своего часа.

Я училась молиться – говорить с Богом как с Личностью. Говорить с Ним в настоящем времени о насущных проблемах и радостях. И в какой-то момент я действительно осознала, что Тот Бог, с Которым я говорю сегодня, – это Тот Самый Иисус, о Котором сказано в Библии.

Я училась ходить в храм. В моей жизни появился новый еженедельный праздник – воскресный день. Есть такие праздники, которые нельзя отмечать в одиночку – они теряют смысл (например, день свадьбы или день влюблённых). Воскресение становится праздником, только когда его отмечаешь вместе с другими христианами. Я постепенно училась тому, что собрание христиан – это и есть Церковь.

В православном храме я освоилась далеко не сразу. Меня раздражало абсолютно всё: архитектура, иконы, песнопения, одежда. Сквозь форму надо было прорваться к смыслу и, обретя его, понять всю красоту и значимость формы. А крестик я не носила, не понимала зачем.

Полтора года я училась смотреть, слушать, радоваться, благодарить и благодарить. Я готовилась встречать Христа. И на эту встречу мы поехали в Заостровье к о. Иоанну. Поездка, как готовность выйти из каждодневной суеты, венчала мою подготовку к Пасхе.

Тогда, в апреле 2004 года, в моей жизни впервые по-настоящему прозвучало: «Христос воскрес!» В ту ночь я встречала Того, с Кем старалась подружиться, и рядом со мной были люди, которые пришли в этот храм в этот час ради Него. Это была Церковь. У меня была возможность ощутить Радость о Воскрешем. В моём сердце наконец нашлось для неё место. Я узнала её. И в этот момент было очень важно, чтобы кто-то эту радость встречи Воскрешего Христа во мне засвидетельствовал. И просьбой об этом свидетельстве были мои слова: «Христос воскрес!» И подтверждением реальности моей радости и реальности Воскресения стал ответ: «Воистину воскрес!» Пасха невозможна без Церкви, это радость, которая возможна только в диалоге. И я надела крестик как знак принадлежности к Церкви, которая вышла встречать Христа. Сразу всё встало на свои места.

С тех пор прошло 10 лет. Я встречала Пасху в разных странах, в разных церквях, с разными членами Церкви, слушала канон и Евангелие на разных языках.

Десять лет я живу в удивительном ритме, который называется церковным годом. Нам даётся время для размышлений, для удивления, для покаяния, для благодарности. Есть возможность нагнать этот ритм, если отстал. И ведёт этот год к Празднику праздников – к Пасхе.

Самое сложное – начать, попасть в такт первый раз. Десять лет назад в Заостровском храме я начала жить в ритме Церкви.

Шаг по вертикали

Начало на с. 1

Надежда Зиновьева (Москва):

Воцерковлялась я на Пасху, в 2000 году. Это дата моего «нового рождения» и духовного крещения. Главное событие этой Пасхи – этим постом были сняты прещения с отца Георгия и других членов братства. Я тогда не совсем в это вникла, но эту радость нельзя было спрятать, она звучала в воздухе и передавалась всем.

И сейчас, по прошествии четырнадцати лет, я помню всю Пасху, живу этим и делюсь с другими. У меня был опыт «хождения» в церковь, но я ничего из него не почерпнула – ничего не понятно, часовые стояния на службах и усталость после этого. Свою первую настоящую Пасху я вспоминаю как самое радостное, светлое событие в своей жизни. В ночь на Пасху мы были в Высоко-Петровском монастыре. Запомнилось – в пустых кирпичных стенах храма много народа, и крестный ход по Петровке. Меня просто разрывало от ликования. Светлая седмица была очень напряжённой, т. к. включала в себя 3-й этап оглашения, таинстводство. Каждый день мы ходили в разные храмы. Я старалась ничего не пропустить, впитывала все, что видела и слышала. Опыт стояния на службах у меня был, поэтому мне было нетрудно стоять, и я никогда не садилась. Мне казалось, что я пропущу что-то главное, если сяду. Одна сестра чуть позже сказала мне, что я была похожа на «свечу». Но усталости не было, только иногда смаривал сон в конце встречи, но тогда это было, наверное, на пользу. И когда мы расстались в воскресенье и ушли в «пустыню», то очень хорошо помню понедельник – было 9 мая (день моего рождения), за окном гремела победная музыка. Я проснулась и поняла, что сегодня мы никуда не идём. Я как бы очнулась, подумала и поняла, что всё, что со мною произошло, это было на небе. А вот теперь я снова спустилась на землю и что теперь всё будет по-новому, старая жизнь осталась за чертой. Самый важный подарок мне на сей раз подарил Сам Господь. Христос Воскрес!

Каждый год я всегда стараюсь быть на Пасхальной Светлой седмице вместе с оглашаемыми на литургии. Без этого нет ощущения полноты праздника. Это даёт возможность снова погрузиться в Пасхальную радость вместе с новоцерковлёнными братьями и сёстрами и порадоваться за них. Слава Богу!

Ольга Гаврилова (Москва):

Мы воцерковлялись на Пасху 2003 года. Впечатление было двойное: с одной стороны – радость. Радость общения, ежедневного участия в литургии всей группой (мы ходили в разные храмы Москвы), радость ежедневных агап, которые по очереди проходили на наших квартирах. Казалось, что стены пусть самых крохотных квартир – раздвигались, всем всего хватало – это было чудом.

С другой стороны – огромное напряжение, нужно было раздвинуть свою жизнь для такого проживания Светлой недели. Это были майские праздники – нужно было противостоять всем родственникам и не поехать на дачу. Свобода давалась с трудом, если не сказать «с кровью». Но это был настоящий опыт христианской жизни, импульс для преодоления ветхого в себе.

Никита Демидов (Екатеринбург):

Я воцерковился на Пасху 2010 года. Первое впечатление – от того, что много людей, которые прошли такой же путь оглашения, как и ты, со всей России. Это как неожиданный подарок – мир сразу стал больше.

Я плохо понимаю богослужение, и мне трудно даётся участвовать в нём. Было очень неожиданно, когда ночью на праздничном служении отец Иоанн как будто мне лично сказал: «У вас сейчас самый счастливый момент в вашей жизни, только вы этого не чувствуете, не понимаете; не переживайте, это не страшно...» Самое глубокое переживание – служба в алтаре, трепет и благодарность к происходящему.

История катехизации в Санкт-Петербурге

В Петербурге на конференции «Вера требует не поклонов, а верующей души» (в названии использована цитата из св. Августина Иппонского), говорили об истории катехизации и духовного просвещения в Санкт-Петербургской епархии. Среди тех, кто начинал возрождать катехизацию, вспоминали святого праведного Иоанна Кронштадтского, священников Александра Гумилевского и Константина Аггеева, послуживших в деле просвещения народа в XIX – начале XX века.

Говорили на конференции и о том, что после Октябрьского переворота ответственность за качественное воцерковление людей брали на себя некоторые православные братства, в первую очередь – Александро-Невское. Что и после окончательного разгрома братства в 1932 году периодически в городе имени Ленина возникали очаги духовного просвещения. Трудно сказать, обо всех ли из них мы знаем сегодня – ведь такие труды требовали серьёзной конспирации. Известно, что с 1950-х годов миссией среди молодёжи занималась будущая монахиня Елена Казимирчак-Полонская, доктор наук, сотрудник Санкт-Петербургской обсерватории. Она собирала студентов на занятия на дому, которые по сути были проповедью Евангелия. В 1970-е годы Наталья Юрьевна Сахарова, реэмигрантка из Франции, лично заставшая ещё Н.А. Бердяева и мать Марию (Скобцову), собирала при храме Иоанна Богослова в Духовной академии небольшую «компанию», показывая самой жизнью советским верующим, что церковь – это община, а не что-либо иное. В начале 1980-х годов свое место в этом ряду занял иподиакон ректора Духовных школ архиепископа Кирилла (ныне Святейшего патриарха Московского и всея Руси) – Георгий Кочетков. Он тоже был горячим миссионером и подвижником, не боявшимся пострадать за свою проповедь. У молодого студента академии уже была разработана система катехизации, основанная на Евангелии и учении святых отцов. С материалами круглого стола, посвящённого последним десятилетиям возрождения катехизации в Санкт-Петербургской епархии, читатели «Кифы» смогут познакомиться в следующих номерах газеты. Сегодня же мы публикуем фрагменты двух докладов, посвященных опыту конца XIX – начала XX века.

«Мы должны обратить науку истории Ветхого Завета и Нового Завета, катехизацию, науку о богослужении, историю Церкви – в жизнь, в дело, в практику»

(Из доклада Юлии Балаксиной «Святой праведный Иоанн Кронштадтский как катехизатор», впервые опубликованного в журнале «Вестник РХД» № 196)

Катехизаторская деятельность отца Иоанна – малоизвестная сторона его служения Церкви.

В первые века своего существования Церковь выработала огромный опыт целостной катехизации. Однако в России, в середине XIX века, в условиях повсеместного младенческого крещения, катехизация стала выполнять иные задачи, обрела иные формы.

24 мая 1844 года Священный Синод принял решение «об учреждении катехизических по воскресным дням научений в некоторых церквях епархиального и других городов, сообразно местности церквей и способностям священников». Кронштадтский Андреевский собор, в котором с 1855 года служил священником отец Иоанн Сергиев, был центральным собором крупного портового города, имел образованный священнический штат. Поэтому он и был включён в список церквей, обязанных регулярно проводить катехизические научения. Катехизаторы, назначавшиеся епархиальным

начальством ежегодно, обязаны были «беседы, прежде произнесения, представлять благовременно на рассмотрение благочинных и цензоров, а произнесённые, по окончании года, представлять при рапорте Его Преосвященству».

Программа катехизических бесед была рекомендована Духовной Консistorией и предполагала последовательное объяснение предметов катехизического учения: Символа веры, молитвы Господней, десяти заповедей. Предписывалось произносить научения «языком простым, но предмету соответствующим, без излишних подробностей и схоластических рассуждений и оканчивать в продолжение года весь Катехизис или не менее двух частей онаго; при составлении же бесед руководствоваться поучениями св. Кирилла Иерусалимского».

Отец Иоанн впервые был назначен катехизатором в Андреевский собор в 1858 году, на третий год своего служения в Кронштадте. За первую половину 1858 года известно, что «священником Иоанном Сергиевым были произнесены 4 катехизические беседы». Во втором полугодии отец Иоанн произнёс только одну беседу. А 10 сентября последовал указ Санкт-Петербургской Духовной Консistorии, в котором отцу Иоанну было предписано прекратить преподавание катехизических бесед и «в продолжении следующего года приготовить к должности катехизатора». Причины столь жёсткого решения Консistorии непонятны. Можно предположить, что начинающий священник не справился с поставленными задачами – в дневниках отца Иоанна можно встретить записи о том, как непросто давались ему выступления перед большой аудиторией. Однако, возможно, причину консistorского запрета нужно искать в пристрастном отношении к отцу Иоанну настоятеля Андреевского собора и благочинного кронштадтских церквей протоиерея Павла Трачевского. Возможно, именно об этом говорит митрополит Серафим (Чичагов) в своём «Слове пред панихидою в 40-й день кончины отца Иоанна Кронштадтского»: «В своей труженической жизни он дважды подвергся жестокому гонению: в начале своей деятельности – по зависти окружающих, и в конце жизни – по злобе врагов Православия».

Уже первые катехизаторские опыты начинающего пастыря выявили те важнейшие принципы общения с людьми, жаждущими наставления в вере, которым отец Иоанн следовал всю свою жизнь.

1. Простота и доступность

О том, что отец Иоанн сознательно стремился к простоте изложения своих мыслей, свидетельствует запись в его

дневнике, сделанная в марте 1861 года: «При составлении бесед отбросить всякое самолюбие в сторону, всякое желание блеснуть выражениями. Простота». Примером этого простого, понятного даже детям слога может служить конец девятой беседы первого катехизического цикла, который звучал так: «Братия, будем смотреть на растения и поучаться. Как очевиден, осязателен Господь наш, наш Отец всемогущий в этих растениях! Каждая травка, каждый листочек, каждый цветок как будто шепчет нам: "Тут Господь". Рассматривайте, братия, премудрое устройство растений и познавайте в них Бога...»

2. Верность Преданию и Писанию и творческое отношение к ним

Укоренённость отца Иоанна в традиции Православной церкви особенно подчеркивалась одним из цензоров – архимандритом Никандром, ректором Тульской семинарии. А священник Михаил Архангельский в рецензии, помещённой в журнале «Странник», несколько раз указал на самостоятельность о. Иоанна Сергиева в развитии святоотеческих мыслей: «Он не копировал своих бесед, не занимался переложением догматического богословия в проповедническую форму, но сам усердно изучал преподаваемое учение, с целью приспособить его к пониманию слушателей»; «Автор нынешних бесед, как и следовало, руководствовался некоторыми св. Отцами, которых сочинения переведены на русский язык. Впрочем, объяснения свои на молитву Господню он развивал самостоятельно».

3. Опора на личный опыт веры – «сердечное убеждение самого учителя веры»

Знаменательно, что когда через десять лет, в 1869 году, архимандрит Палладий писал отзыв о «Десяти катехизических беседах на блаженства Евангельские», произнесённых отцом Иоанном в кронштадтском Андреевском соборе, он отметил те же самые черты: «...поучения эти написаны в строго православном духе, приспособлены к понятиям народа, изложены ясно, вразумительно и с тёплым христианским чувством».

Второй раз отец Иоанн был назначен катехизатором в Андреевский собор в 1861 году, и потом ещё не раз назначался на должность катехизатора.

Перелом в отношении отца Иоанна к катехизации происходит в начале 1870-х годов, когда он не только с успехом справляется с поставленными перед ним Консistorией задачами, но и начинает думать об «изменении материи катехизации». В рапорте на имя епископа Ладожского Тихона (Покровского) от 17 ноября 1872 года отец Иоанн предла-

гает: «В указе сказано, чтобы катехизатор в своих беседах объяснял предметы катехизического учения: Символ веры, молитву Господню и десять заповедей. Но так как об этих предметах постоянно и прежде говорились беседы – протоиереями Трачевским и Веселовским, и мною, и диаконом Софроновым, а один и тот же предмет учения может наскучить прихожанам, то я принимаю смелость покорнейше просить соизволения и благословения Его Высокопреосвященства и Вашего Преосвященства изменить несколько материи катехизации и вместо Символа веры, молитвы Господней и 10 заповедей позволить мне объяснение Богослужения нашей Церкви по составленному мною и при сем представляемому плану. В этом объяснении народ наш очень нуждается. При этом катехизатор надеется объяснить в своем месте, кратко, и Символ веры, и молитву Господню, и блаженства Евангельские. Таким образом и из Богослужения многое будет объяснено, и с тем вместе преподаана будет и часть катехизиса».

Смелое предложение отца Иоанна «изменить материи катехизации» было подготовлено его многолетним опытом и духовными размышлениями, зафиксированными в дневнике. Так, уже в 1869 году он писал: «Богослужение надо изучать и преподавать как можно нагляднее, убедительнее, с нравственными применениями, с показанием необходимости его для христианина и всего вреда, происходящего от непонимания Богослужений»; «Мы должны обратиться науку истории Ветхого Завета и Нового Завета, катехизацию, науку о богослужении, историю Церкви – в жизнь, в дело, в практику. К этому и будем мы стремиться всеми силами».

Инициатива отца Иоанна встретила одобрение епархиального начальства. На процитированном выше письме преосвященным Тихоном (Покровским) была сделана помета: «1872 г. Ноября 21. Одобрённый план препроводить к его составителю, Епископу Ладожскому». Таким образом был завершён пятнадцатилетний путь от молодого неопытного проповедника, ищущего язык и силу духа для общения со своей паствой, до зрелого наставника душ, берущего на себя ответственность за всё, что происходит в Церкви.

Христианская религия – учение не только о вере, но и о жизни

Из доклада Натальи Швачко «Просветительская деятельность священника Константина Аггеева в периоды 1903–1907 годов»

Отца Константина Аггеева хорошо знали в Петербурге в начале века как известного лектора и законоучителя с

новым подходом к преподаванию. Ещё в 1900 году он начал свои «эксперименты» в области преподавания Закона Божия: занятия по программе катехизиса о. Константин стремился заменить свободными беседами; зубрёжку – апологетикой, живым свидетельством о вере.

В 1903–1905 годы он был законоучителем в Александровской половине Смольного института. В это же время стал одним из самых деятельных участников группы «32-х» петербургских священников. Вместе с отцом Иоанном Егоровым он начал совместную борьбу против катехизиса митр. Филарета (Дроздова) как единственного и строго обязательного пособия по изучению Закона Божия. Отец Константин ратовал за передачу опыта просвещённой веры, способной ответить на главные вызовы времени. Он рассказывал на своих уроках об учениях Дарвина, Ницше, Маркса для того, чтобы, отталкиваясь от них, прийти к «положительному вероучению», к образу живого Христа. Практическим итогом многолетних размышлений о. Константина о том, каким должно быть преподавание Закона Божия, стала книга «Христова вера. Изложение христианского вероучения и нравочения в понимании Православной Церкви» (СПб., 1907 г.), предназначенная для учащихся 4–5-х классов мужских и женских гимназий и 2–3-х классов женских институтов. Второе издание 1916 года, значительно изменённое, было соотнесено с последней программой изучения закона Божия в 7-х классах мужских гимназий и в старших классах прочих средних светских учебных заведений. По сравнению с первым изданием во втором тексте были более объёмными и насыщенными.

В предисловии ко второму изданию о. Константин пишет: «Существует два взгляда на характер и задачи учебных пособий. Первый – учебное пособие должно заключать в себе возможно полное и возможно ясное повторение всех устных уроков учителя (отсюда и само название «Записки»). Учебник, так составленный, всецело заменяет преподавателя. По другому взгляду, учебник должен заключать в себе строго научное изложение одних существенных пунктов предмета. Автор держится второго взгляда (так сохраняется необходимая самостоятельность и учителя и ученика.)»

Катехизис о. Константина состоит из введения и двух частей – «Вероучение» и «Нравочение». Во введении освещаются основные понятия, в частности, о религии: христианская религия – учение не только о вере, но и о жизни, согласной с нею. Также там говорится о Божественном откровении и его источнике, о Священном Предании и Писании, о признаках богодухновенности Писания.

Значительную часть катехизиса составляет практическое применение всего изложенного к жизни. Отец Константин видел, насколько раздвоена жизнь у учащихся, и поэтому неслучайно уделял этой теме столько внимания.

Биографическая справка

Очевидцы вспоминали, что лекции отца Константина были настолько вдохновенны, что порой в аудитории не хватало свободных мест и многим приходилось слушать его стоя.

Здесь, как и во всём другом, к чему прикасался творческий импульс отца Константина, проявилась его натура человека энергичного, цельного и при этом тепло, по-христиански любящего людей. Его друг, профессор Киевской духовной академии П.П. Кудрявцев, вспоминал: «Когда требовалась его помощь, он спешил оказать её немедленно, для того чтобы в следующую минуту забыть то, что он сделал: когда он помогал кому-нибудь, у него не то что левая, но и правая рука не знала того, что она только что сделала. И так было всю жизнь».

В 1917 году отец Константин был избран членом Всероссийского Поместного собора. Казалось бы, он достиг цели всей жизни, его чаяния исполняются: Собор готов благословить многие идеи кружка «32-х», в том числе связанные с катехизацией. Однако времени на то, чтобы развить начатое и изменить ситуацию в стране, у Церкви уже не было: до Октябрьского переворота оставались считанные месяцы. Церковь ожидала эпоха нового мученичества.

Отец Константин воспринял революцию в покаянном духе: «Русский народ – богоносец», — такими песнями в течение многих лет зачаровывали нас люди самых разнообразных положений. В наши дни русский мужик явил себя таким извергом, что мир содрогнулся. Где же были мы, деятели Церкви, в то время, когда развращали русскую душу?»

Новая власть не переносила людей горячо верующих, смелых, полных благородства. 24 декабря/6 января 1921 года, в канун праздника Рождества Христова, в возрасте 53 лет отец Константин и его 23-летний сын были расстреляны большевиками.

Биографическую справку подготовила Анастасия Наконечная

«Кифа» делится материалами о миссии и катехизации

Газета выпустила очередной дайджест, сборник лучших статей за второе пятилетие своей жизни (с 2007 по 2012 год), на этот раз посвящённый теме миссии и катехизации.

Книга «Проблемы миссии и катехизации» состоит из двух разделов. Первый включает в себя статьи, объединённые темой исторического опыта миссии и катехизации в разные эпохи, начиная с доклада преподавателя катехетики Свято-Филаретовского института Владимира Якунцева о практике подготовки к крещению в Древней церкви и заканчивая докладом профессора священника Георгия Кочеткова «Миссия Церкви в современном мире» о миссионерском опыте о. Александра Шмемана. Этот раздел также содержит статьи с уникальными фактами из истории русской миссии на Аляске и Алтае в XIX веке и о миссии мучеников и исповедников Урала в XX веке. Впервые читателю предлагают познакомиться с богословом А.С. Хомяковым как с миссионером и катехизатором, а

также узнать, как удавалось приводить ко Христу людей, потерявших связь с родной страной, митрополиту Антонию (Блуму).

Вторая часть дайджеста содержит интервью и статьи иерархов, священнослужителей и мирян, посвящённые проблемам и опыту миссии в современной России, и опубликованные в «Кифе» с октября 2007 по октябрь 2012 года. Это особенно интересно в связи с тем, что именно в 2007 году в РПЦ была принята Миссионерская концепция, что позволило всерьёз заговорить о возрождении этого служения, без которого христианская церковь фактически жить не может. В этом же разделе размещены статьи по проблемным вопросам, которых на сегодня предостаточно: о формальном отношении к крещению; о том, зачем оглашать уже крещённых людей, зачем церкви нужны миссионеры. Кроме того, тут читатель найдёт собранные по горячим следам материалы ежегодной конференции Свято-Филаретовского института «Традиция

святоотеческой катехизации». Это интервью с участниками, священниками и мирянами-катехизаторами, посвящённые вопросам: кто может быть катехизатором, как готовиться к этому служению и т. д.

Довольно большой раздел книги посвящён накопленному за последние три десятилетия опыту Преображенского братства в области миссии и катехизации. Этим опытом братство готово делиться со всеми, кто уже занимается этим чрезвычайно важным для церкви делом или хочет к нему приобщиться.

Татьяна Васильева